

**ЧТО ТАМ
В ГОЛОВЕ**
у ЭТИХ
иностранцев?

ВЯЧЕСЛАВ ПЕРЕПЕЛИЦА

ЧЕХИЯ & ЧЕХИ

**О ЧЕМ МОЛЧАТ
ПУТЕВОДИТЕЛИ**

Что там в голове у этих иностранцев?

Вячеслав Перепелица

**Чехия и чехи. О чем
молчат путеводители**

«РИПОЛ Классик»

2013

Перепелица В. Б.

Чехия и чехи. О чем молчат путеводители /

В. Б. Перепелица — «РИПОЛ Классик», 2013 — (Что там в голове у этих иностранцев?)

Чехия... Кто-то, услышав это название, вспомнит средневековые улочки, дома под уютными черепичными крышами, готические соборы, вспарывающие небо острыми шпилями. Кому-то на ум сразу же придут бравый солдат Швейк и 1968 год. Любители истории назовут имена Карла IV и Пржемысловичей. А кто-то улыбнется и скажет: «Ну, Чехия – это пиво!» У всех есть свое представление о Чехии, но что мы знаем о чехах, хозяевах замечательной страны, которую, согласно статистике, в год посещает около десяти миллионов туристов? Спокойные и сдержанные, гостеприимные и добродушные, немного застенчивые и неторопливые, жизнелюбивые и умеющие посмеяться над собой... Однако стоп. Невозможно рассказать о нации в нескольких словах. Лучше открыть книгу, в которой автор, знающий о Чехии не понаслышке, легко и остроумно, без пафоса и исторических обид рассказывает о загадочной чешской душе, попутно давая дельные советы, воспользовавшись которыми вы будете чувствовать себя в Чехии как дома. Книга также издавалась под названиями «Чехия без вранья», "О чем думают чехи? 1218 фактов от кнедликов до Альфонса Мухи".

© Перепелица В. Б., 2013

© РИПОЛ Классик, 2013

Содержание

Немного о том, зачем все это нужно	5
Красота по-чешски	7
Чешская готика	10
Шаг за шагом	14
Млуйте чешки? – Йез, запросто!	15
Какие они?... и какие мы?	20
Нас там любят... или нас не любят?	21
Сердечность	26
Швейковина	28
А какие мы?	31
Чешский характер. Попытка обобщения	36
Чешский юмор	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Вячеслав Борисович Перепелица

Чехия и чехи. О чем молчат путеводители

Моим любимым туристам посвящается. По существу соавторам этой книги. Бывшим и будущим. Всем, даже вредным – имеют право!

Немного о том, зачем все это нужно

Здравствуйте! Я – гид-сопровождающий в автобусных турах по Чехии. На желтом бейджике рядом с моей фотографией и именем написано по-английски «турлидер». А в самой Чехии я зовусь уже *пруводце* (проводник). Однако больше всего мне нравится, как называют меня в Польше – «пан пилот»! Между прочим, вполне официальное здесь название моей должности, и как уважительно и романтично звучит! Впрочем, как меня ни называй, занимаюсь я одним и тем же. Если не вдаваться в конкретику, то добиваюсь, чтобы моим туристам понравилась поездка в Чехию. То есть, по моему мнению, ломлюсь в открытые ворота: Чехия не может не понравиться! Более того, ее очарование так велико, что самые добрые и восторженные туристы частично переносят его на меня, что выражается в похвалах и благодарностях! Чем я беззастенчиво упиваюсь...

Стоп! Зачем я это пишу?... И для кого?... Поверьте, это не риторические вопросы. Хочу рассказать о Чехии? Самонадеянность, граничащая с идиотизмом! Есть специалисты, есть люди, жившие в ней годами, есть книги о Чехии, которые я читал... и не читал (их гораздо больше). Пересказывать путеводители, чужие впечатления – зачем? Нет, без цитат и ссылок не обойдусь – как без них?! Однако именно тогда, когда не удержусь, когда уж больно они в строку: подтверждают мои слова или, наоборот, оспаривают. Что ж, я готов и поспорить.

Агитировать «за Прагу» сейчас тем более не надо: уже несколько лет говорить здесь о туристическом буме – значит говорить банальности. Кто-то ездил сюда по нескольку раз, кто не был – собирается: репутация у Праги и Чехии отличная. Претендовать на новый, неожиданный взгляд даже не пытаюсь – наоборот, у меня обычный «туристский набор»: до сих пор смотрю на Чехию глазами простого путешественника, о том и пишу.

Скорее всего, не о Чехии я собираюсь писать, а о своем, о личном: о радости, которую рождает во мне ее красота, о том, **как** мне здесь интересно и **что** интересно. И даже придется еще уточнить: не о **любви к Чехии** я пытаюсь рассказать, а о **любви к поездкам в Чехию**. Конкретно к этим вот поездкам, которых я совершил уже десятков семь, в которых есть и длительные автобусные переезды, и санитарные остановки, и калейдоскоп городов, замков и самых разных впечатлений (соответственно, тотальная нехватка времени), и люди, люди, люди... Ведь знакомство со страной может быть и другим: можно поселиться здесь надолго, жить неспешно и уединенно; можно приехать по работе, общаться с коллегами, побывать у них в гостях... В каждом случае впечатления будут иными, более глубокими, быть может. А я вас зову с собой в этот кавалерийский рейд, насыщенный эмоциями и интересной информацией. Вот и ответ на второй вопрос – для кого пишу? Для вас, для тех, кто был в Чехии в качестве туриста, и для тех, кто непременно туда поедет. Давайте же поделимся эмоциями, порадуемся их совпадениям или поспорим. Я давно пришел к выводу: в большинстве случаев объективность – вещь недостижимая, да к тому же еще и ненужная! Однако захлебываться все время от восторга я не собираюсь, не беспокойтесь. Ведь совсем не обязательно

любить, допустим, человека и при этом утверждать, что он самый умный и самый красивый. Нет, достаточно просто... любить.

Красота по-чешски

Каждый из нас рождается в условиях и по законам той единственной красоты, о которой нам не суждено поведать миру. И мир, похоже, благодарен нам всем за это.

Андрей Геласимов. «Рахиль»

Рассказать о красоте... Во всех смыслах задача эта кажется непосильной. Однако особенно должна была бы смутить меня фраза, которую прочел я недавно у молодого, но уже известного писателя А. Геласимова: «Все эти споры об истине, добродетели и конечном торжестве справедливости красноречиво говорят лишь об одном – мир создан так неповторимо прекрасно, что мы не в силах поведать друг другу об этой удивительной красоте. Ее неповторимость разделяет нас так же неизбежно, как стенки материнского чрева отделяют плод под сердцем одной женщины от точно такого же не родившегося еще младенца в утробе другой».

Это грустно и справедливо одновременно. Я и раньше думал об этом. Правда, тем и уникальна эта страна, Чехия, что прелесть ее доступна всем, кто здесь побывал. И дело здесь не в примитивности красивых видов и разнообразии удовольствий (если кто и возьмется утверждать обратное, я с ним никогда не соглашусь!). Чехия скорее поражает своей многогранностью: гармоничным сочетанием возвышенного и земного, одухотворенности и простого житейского уюта. Универсальная красота... Я сам стыжусь этого нелепого определения, но с его помощью избавляю вас от потока бессвязных восторгов и пространных описаний достопримечательностей. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать этой фразой.

Вы не увлекаетесь историей, а от обилия дат и имен у вас сводит скулы? Не беспокойтесь, никто вас ими не перегрузит. Однако знайте, что здешняя история насыщена драматическими, трагическими и комическими эпизодами... Еще заслушаетесь рассказами гидов!

Ах, так вы, наоборот, знаток истории и не прочь послушать о чем-нибудь эдаком? Тогда знайте, что Чехия долгое время находилась в самой гуще европейских событий, Прага была столицей Священной Римской империи, одним из крупнейших культурных и интеллектуальных центров, отсюда гуситы бросили вызов всему католическому миру, здесь началась Тридцатилетняя война. И вряд ли вы останетесь равнодушны к богатой истории Чехии, не захотите пополнить свой багаж знаний.

Вы не слишком разбираетесь в архитектуре и не собираетесь обременять себя знанием стилей и терминов? Ну и не надо! Однако, поверьте, вы будете поражены красотой как великолепных королевских дворцов, так и маленьких пражских домиков. А какие в Чехии соборы!.. И кто знает, не услышите ли вы с удивлением из собственных уст к концу поездки: «... стенная роспись... окна большие и прямоугольные... ну да, это Ренессанс»?!

Так, а вы, значит, тонкий ценитель архитектурных стилей? Очень хорошо, ведь вы уже с первых шагов по Праге убедитесь, что этот город может служить наглядным пособием по архитектурной истории Европы. Вы станете умиляться, глядя на бережно сохраненную местными жителями старину, любясь всевозможными деталями, отмечая про себя нюансы: «ранняя готика...», «поздняя готика...». Вот уж для вас эта поездка станет праздником с первых минут!

Однако вдруг, страшно сказать, вы совсем не любите ПИВО!!! Или, о ужас, не едите свинину! Вот это действительно тяжелый случай! Быть может, вас утешит неожиданный для многих факт: помимо пива Чехия производит очень неплохие вина. А рейд в моей компании по пражским *цукрарням* (кондитерским), где подают прекрасные *закусеки* и *дорты*

(пирожные и торты), запить которые можно крепкой *кавой* (сами догадайтесь), примирит вас с суровой действительностью.

Главное, что всем вам будет очень уютно на узких пражских улочках, вы без труда объяснитесь с официантом в кафе, легко разыщете концертный зал с органом, сориентируетесь в простом и понятном пражском метро...

И еще одно чувство многие из вас неожиданно для себя испытают: ощущение, будто вы попали в сказку, обычную детскую сказку с замками, рыцарями и волшебниками.

Ну нет, я не позволю себе быть голословным! Вот они у меня под рукой – отзывы о поездке, которые пишут в конце путешествия многие из моих туристов. А можете представить, какими разными бывают туристы, собравшиеся в одной группе: отличают их и возраст, и уровень образования, и интересы, и темперамент. Студентка, пенсионерка, профессор-искусствовед, архитектор, рабочие ребята из Подмосковья, школьники из-под Новосибирска, модельной внешности девочки... Люди, впервые поехавшие в Европу, и те, кто побывал уже во многих европейских столицах... Однако все их отзывы объединяет одно: восторг от Чехии и непереносимое желание приехать сюда снова. Только не стоит думать, что кто-то получает удовольствие исключительно от созерцания архитектурных шедевров, а кто-то не вылезает из пивных и дискотек. Конечно, у всех свои предпочтения, каждый по-своему расставляет акценты... Однако все, абсолютно все стояли открыв рот перед собором Святого Вита и на Карловом мосту. А пиво... ну тоже практически все пили. Искусствовед, во всяком случае, не отставал от остальной группы.

Из отзывов моих туристов:

... в этом туре каждый, даже самый взыскательный турист может найти для себя то, что будет интересно именно ему.

Прага – великолепный город, думаю, лучший из увиденных мною... Можно бесконечно бродить по ее переулкам, мостам под светом фонариков и луны, смотреть в черные воды Влтавы, вдыхать особый, пропитанный запахами костелов воздух... Поездкой безумно довольна. А в Прагу я еще обязательно вернусь...

Прага – незабываемый город, а Чехия – страна, куда хочется возвращаться снова и снова!.. Поездка в Чехию превзошла все наши ожидания!

... в социалистические времена мне говорили: «Если когда-то вдруг, то начни с Чехии, это что-то!..» И это действительно так!!! Столько красоты увидеть за несколько дней – это не шутка! Поездка удивительная!

Вот так и получается, что Чехия хоть на какое-то время объединяет людей: находясь здесь, все забывают о национальности, культурном уровне, статусе и становятся восторженной толпой. Чехия не усредняет людей, она их возвышает.

А если не ссылаться на других, если говорить о себе лично? «Не надоело?» – самый естественный вопрос, который не раз уже задавали мне друзья. И здесь я не спешу с ответом: не великий грех приукрасить или даже приврать слегка, рассказывая о чем-то, но хочется быть совершенно искренним с самим собой. Только вдуматься: четыре года с апреля по ноябрь почти безвыездно я нахожусь здесь, провожу в Чехии Новый год и первомайские «менеджерские» праздники, сюда же стоит добавить школьные каникулы! Маршрут почти всегда неизменен, видишь одно и то же, на самостоятельные рейды за новыми впечатлениями

не хватает времени и сил... Вспомнилось мне тут, кстати... Бреду я как-то по своим делам через Староместскую площадь, сотню раз уже здесь проходил, но путь этот – самый короткий, а обходить неохота. И вдруг останавливаюсь: светлое еще вечернее небо, на дощатом помосте играет оркестрик, но почти никто его не слушает. С десяток людей сидят на теплой брусчатке, а некоторые лежат на спине, уставившись в небо. На периферии их взгляда, как в объективе «рыбий глаз», шпиль Тынского костела и крыши, крыши, крыши... Смотришь на все это величие, и кажется тебе, будто, удобно устроившись на диване, лениво перелистываешь художественный альбом: вот готика, вот барокко, а это – модерн. И мысли этих людей – если только они о чем-то думают – я смело берусь угадать: «Господи, как хорошо! И что еще человеку надо?!» А уж когда я вспомню, как каждый раз (!) прощаюсь с Чески-Крумловом – знаю, что буду здесь всего через двенадцать дней... еще через двенадцать... и еще через двенадцать, но каждый раз клянусь себя, что не назначил отъезд хотя бы на пятнадцать минут позже, – вот тогда я отвечаю уверенно и честно, как на исповеди: «Нет, не надоело!»

Интересно, что вопрос «не надоело?» задают только мои знакомые, туристы – никогда! От них, наоборот, уже не раз слышал восторженный щебет: «Ах, Вячеслав, вы даже сами не понимаете, какой вы счастливый человек, потому что все время ездите сюда!» Им даже в голову не приходит, что **это** может надоест, что можно просто устать, наконец. Почему же не понимаю, любимые мои туристы, очень даже понимаю! И страну эту удивительную очень люблю, и работу свою люблю. И все равно пытаюсь понять (и другим рассказать), чем же обаяние Чехии так сильно и универсально, почему так многим она ложится на сердце. И не отпускает...

Чешская готика

Утверждалось, что великие готические соборы Европы обладали способностью обращать неверующих в католичество одним лишь фактом своего существования... Блестящие умы тоже говорили себе: если подобная красота существует, как может не быть истинной идея, ее породившая? Один такой собор стоит сотни богословов, способных доказать существование Бога с помощью логики.

Джулиан Барнс. «Глядя на солнце»

Ну как может не понравиться Прага?! Смотришь с Градчанского холма на море красных черепичных крыш, шпилей, куполов и башен, и в душе рождается незамысловатое, простое: «Как красиво!!!» Кто вслух сказал, кто про себя подумал... но кто бы возразил?! А потом идешь по узким улочкам, где почти на каждый дом приходится немалое количество восхищенных взглядов, вздохов и... мегабайты памяти цифровых фотокамер. Кстати, вот и первое объективное преимущество Праги: нигде в Европе нет такого большого средневекового города. Причем города единого, не разделенного на отдельные кварталы более поздними застройками: часами можно бродить по обоим берегам Влтавы, почти не встречая современных зданий, не теряя иллюзии того, что перенесся в Средние века. И нет ощущения красивой декорации для фильма, как бывает в других местах: подлинность старины чувствуешь на энергетическом уровне. Еще бы: все это великолепие действительно сохранилось с тех далеких времен, не восстанавливалось из руин, почти не перестраивалось! Причин тому несколько: главная – Прагу пощадила самая страшная в Европе война. Однако такое долгожительство старинных кварталов объясняется еще одной, на первый взгляд необычной причиной: Чехия переживала периоды упадка и бедности, когда у местных жителей не хватало ни денег, ни амбиций на то, чтобы снести «старье» и отстроить город «по-модному». (Понимание того, что старину надо бережно сохранять для потомков, пришло в европейское сознание только в конце девятнадцатого века.) Особенно показателен пример района Мала Страна, лежащего у подножия королевского замка – Пражского Града. Естественно, что, чем ближе к королю, тем престижней, поэтому-то и селилась здесь в стародавние времена придворная знать. А когда королевский двор навсегда переехал в Вену, в роскошные дома аристократов въехал простой, ремесленный люд. Повезло им, конечно, но кардинальную перестройку жилья они бы не осилили, если б даже и захотели. Вот и сохранился до наших дней этот изумительный район – заповедник ренессансных и барочных фасадов.

Не поленитесь вечером подняться по крутой Нерудовой улице к самому Пражскому Граду. Там вы увидите красивый фасад дома, где жил писатель Ян Неруда, воспевший этот район в «Малостранских повестях». Продолжайте подъем, свернув направо, – осталось совсем немного. За свою выносливость вы будете щедро вознаграждены фантастическим зрелищем: в абсолютно пустом дворе Града, где сегодня утром вы продирались сквозь толпы туристов, откроется перед вами южный фасад собора Святого Вита, еще более прекрасного, чем днем, благодаря эффектной подсветке и тревожно-романтическому одиночеству. Привыкайте к ощущению, которое посетит вас в Чехии еще не раз: временной потере чувства реальности. А если повезет, испытаете и культурный шок: из темной, безлюдной улочки Града вдруг попадете вы на ярко освещенный двор, где периодически ставятся шекспировские пьесы. В

качестве декораций – подлинные старинные стены и галерея с дубовыми перилами... Всё, на сегодня хватит! Теперь – только вниз, по крутым ступенькам прямо к станции метро «Малостранска».

Романских построек сохранилось в Чехии, конечно, мало. Зато весь центр старой Праги выстроен на романских фундаментах. Нижние этажи старинных зданий веками «тонут» в земле, так как вырастает вокруг них так называемый культурный слой. А в центре Праги уровень почвы еще и специально поднимали, подсыпая землю, чтобы спасти здания от постоянных наводнений. Так что романские подвалы ушли глубоко в землю. Однако полюбоваться ими можно, причем с комфортом, под пиво и кнедлики: вокруг Староместской площади открыто несколько ресторанов, куда спускаться надо на добрый десяток метров. Экзотика!

Готический стиль пришел в Чехию уже в XIII веке. Однако настоящий расцвет его наступил в правление великого чешского короля Карла IV! Даже самый нелюбопытный турист просто обречен запомнить это имя, поскольку будет слышать его в Праге на каждом шагу и по любому поводу: собор Святого Вита – Карл IV, знаменитый Карлов мост – Карл IV, первый в Центральной Европе университет – он же! Даже целый городской район, Нове-Место, был впервые в Европе построен по единому проекту, разработанному при личном участии великого монарха. Запомните это имя и вы, сделайте мне приятное. На самом деле все очень просто: Карл IV–XIV век (четвертый – четырнадцатый). Вот видите: вы уже и в хронологии чешской истории начинаете разбираться!

Готика во многих смыслах особый стиль. Для неискушенных в архитектуре туристов он самый узнаваемый, «остренький такой». Шпили, башенки, узкие стрельчатые окна, внутри – высокие своды. К тому же стиль этот сразу навеивает мысли о старине: раз готическое здание, значит, построено не вчера, а очень-очень давно, аж в Средневековье. А это, признайте, дорогого стоит. Сразу же представляешь вокруг не цилиндры и котелки и даже не мушкетерские шляпы, а рыцарские шлемы! Ну что там за этими барочными фасадами такого уж особенного творилось? Ну крутили романы сеньоры в камзолах с сеньоритами в кринолинах. Ну на шпажках фехтовали... За этими же мрачными серыми глыбами такие тайны хранятся, такая мистика! Сейчас даже есть субкультура такая молодежная – «готы»!

И в историческом плане готика тоже стоит особняком. Все остальные стили в той или иной степени подражали, причем сознательно, античной архитектуре. Например, строениям эпохи Ренессанса теоретик того времени дал немного странное определение: «хороший новый древний стиль». А вот готика – это единственный из европейских стилей, который возник не в подражание чему-то, а как будто из ничего, словно на пустом месте. Раньше массивные полукруглые своды всей тяжестью опирались на толстые стены с маленькими оконцами – вдруг на голову все рухнет?! И вот потом всю конструкцию водружают на изогнутые каменные балки, красиво сплетавшиеся высоко-высоко над головой. Балки эти опираются на пучки колонн... Получилось, что стены, ранее возводимые для прочности конструкции, теперь совсем не нужны, поэтому часто пространство между колоннами занимают огромными, невиданными доселе витражами! Кто придумал, что так можно строить? Сам аббат Сугерий, именно таким образом перестраивавший собор на севере от Парижа, был таким умным? Или кто-то ему подсказал?... Вот почему готика так тесно переплетается с мистикой: может быть, загадочный орден тамплиеров нашел-таки чашу Грааля, а вместе с ней обрел сокровенные знания, в том числе узнал и о способе строительства готических соборов? Действительно, пока тамплиеры были на коне, в Европе расцветали науки, искусства, ремесла. Тогда же и пронзили европейское небо сотни готических шпилей, куда выше и величественнее самых больших романских колоколен. А когда разгромили орден, сожгли на костре его магистра Жака де Моле, в Европе наступил период упадка. (Прямо чувствую, как к этой теме подбирается Дэн Браун.)

Для наших туристов (а еще для американских) готические соборы – вещь невиданная: если не удалось им, конечно, раньше побывать на Западе или в Прибалтике. Вот и стоят они ошеломленные, приоткрыв в восторге рот, под огромными сводами собора Святого Вита. Перечтите эпиграф к этой главе! Вряд ли кто-то из неверия в веру тут же обратился, но подобные мысли многих посещали. Помните, как у Мандельштама: «„Господи!“ – сказал я по ошибке, / Сам того не думая сказать?»

А еще вспоминаются мне тут строки Бродского; «*Что готический стиль победит, как школа, / Как способность торчать, избежав укола*». Какая игра слов! «Укол» торчащего острого готического шпиля – и иглы наркомана.

И смысл: от созерцания готики «торчишь», как наркоман от укола!

А уж готики в Чехии немало, ох как немало! Чехи даже подзадержались на целое столетие со своей любовью к готике, не признавая новых архитектурных веяний. Тому была интересная причина: оказывается, чехи, зараженные гуситскими идеями, немножко свысока смотрели на остальной христианский мир, считая себя более передовыми, и потому с неодобрением относились ко всему заграничному. Однако положение исправили просвещенные правители, приглашая в страну итальянских зодчих. Так, чешский дворянин Захариаш, вдохновленный поездкой по Италии и полностью поддержанный своей любимой женой Катаржиной, не только перестроил свой замок, но и выдал ссуды жителям городка, которым владел, и предоставил им в помощь привезенных с собой итальянских строителей. И случилось чудо – маленький городок Тельч, по существу весь состоящий из одной огромной площади, оказался полностью застроен ренессансными домами, из которых ни один не повторяет другой и по которым можно (и нужно!) изучать все архитектурные приемы той эпохи. Или просто сидеть на скамеечке посреди площади и думать: «Как много красоты есть на белом свете!»

Так что ренессансной архитектурой мы с вами, путешествуя по Чехии, мягко говоря, отнюдь не обделены. А вот с барокко все получилось намного интереснее. Как раз самый трагический для чехов период пришелся на закат Ренессанса и приход ему на смену нового стиля. И когда чехи потерпели сокрушительное поражение в битве при Белой горе и окончательно потеряли независимость, тогда-то и развернулось на чешских землях барокко во всей своей красоте и пышности. А тут еще орден иезуитов обосновался в Праге, чтобы восстановить пошатнувшееся было могущество католичества.

Иезуиты строили соборы, школы и госпитали, старые готические храмы украшались барочными статуями, позлащенными алтарями и витыми колоннами. Однако для чехов все это великолепие невольно ассоциировалось с поражением. Барокко – символ порабощения, бренд ненавистных оккупантов, так уж получилось. И до сих пор еще в каком-нибудь чешском описании архитектурных богатств родного края нет-нет да и мелькнет «мрачное барокко». Как такое про барокко можно сказать – уму непостижимо. Вспомните хотя бы наш Смольный монастырь?! Тем не менее...

Однако нам с вами историческая память не мешает наслаждаться чешским барокко. А любоваться есть чем! Великолепные соборы местных зодчих отца и сына Динценхоферов, дворцы знаменитых австрийцев Фишера фон Эрлаха и Хильдебрандта, скульптуры Брокофа и Брауна!

Классицизм представлен скромнее, что меня, честно говоря, не сильно огорчает – не люблю я эти колоннады и портики! Правда, знаменитый Сословный театр в Праге, во-первых, совсем не глупо-скудно-величественный, а очень даже скромный и милый. Сам бы и не догадался, что это классицизм (видно, не великий я знаток). Во-вторых, в нем состоялась триумфальная премьера «Дон Жуана» Моцарта, который просто обожал Прагу и пражских любителей музыки. Так что событие это само по себе делает театр значительным.

А модерн! Тут уж не обязательно шибко хорошо разбираться в архитектуре, чтобы обратить внимание на эти изящные изгибы линий, чугунных решеток, стенной росписи, вычурные формы окон... Ах, это нам знакомо: достаточно на Ярославский вокзал глянуть, на «Метрополь» в Москве. И в Чехии модерн расцвел на заре двадцатого века пышным цветом, да еще и называется здесь изысканно – «сецессион», поскольку корни его уходят в австрийскую традицию. Как верно сказал Петр Вайль: «... если б каким-нибудь марсианам надо было дать представление о Европе, показав единственный город, то для этой роли лучше других подошла бы Прага».

А еще... Что, устали? Стоп! Пора выпить пива! Потом по пути от «Фердинанда» к гостинице я еще знаменитый «Танцующий дом» покажу.

Из отзывов моих туристов:

Средневековая ратуша, Карлов мост и, конечно, необычайно узкие улочки, по которым мы часами ходили, разглядывая непривычную для взора архитектуру, маленькие домики и величественные соборы, поражающие своим размахом...

Шаг за шагом

От фонтана к фонтану, от церкви к церкви...
И. Бродский. «Римские элегии»

И вот так, шаг за шагом, будете вы со мной путешествовать по Чехии и на каждом шагу отпивать глоток из чаши наслаждения. Потягивать сложный коктейль из невиданных красот, новых знаний, приятных знакомств, вкусной еды, гордости собой после преодоления крутых ступенек Чешского Рая и нестройных песен в автобусе после дегустации местных вин у пана Ладислава. Шаг за шагом, глоток за глотком... И вы вернетесь домой другим человеком. Только старайтесь записывать, кому уже рассказывали о своей поездке: после третьего раза вас могут побить.

Сравнение путешествия по Чехии с чашей наслаждения считаю своей безусловной творческой находкой, но чувствую, что запас красноречия и пафоса на сегодня уже исчерпан. Поэтому, как и предупреждал, обращусь к цитатам. Вот что сказал о ваших будущих прогулках по Праге Иосиф Бродский: *«В этих узких улицах, где громоздка / даже мысль о себе, в этом клубке извилин / прекратившего думать о мире мозга, / где то взвинчен, то обессилен, / переставляешь на площадях ботинки / от фонтана к фонтану, от церкви к церкви / – так иголка шаркает по пластинке, / забывая остановиться в центре...»*

Я вот рефлектирую: имею ли право «перетаскивать» строки любимого поэта, написанные совсем о других местах, на чешскую почву? Когда-то ведь вспоминал их к месту: в Риме, Венеции, Флоренции... А теперь невольно всплывают они в памяти, когда едешь по Чехии. Добро бы только про себя их вспоминал, но иногда и в микрофон произношу. Это что же, такой своеобразный плагиат получается? *«Что делать, кто бы посоветовал, / Но вновь безмолвствует народ...»* – как писал другой русский поэт Игорь Иртеньев.

Ну и поскольку вся эта глава сплошь из цитат состоит, закончу ее тоже цитатой из Венедикта Ерофеева:

«Надо преодолеть высокоинтеллектуальную напряженность беседы, соскользнув в сферу легкой и обыденной болтовни».

Действительно, не поболтать ли нам по-чешски?

Млувите чески? – Йез, запросто!

Меня спросили на иврите:

– Вы на иврите говорите?

А я в ответ на чистом идиш:

– Ты чё, в натуре, сам не видишь?

Игорь Иртеньев

Милая мне здешняя забава – разгадывание ребусов языка, родственного по Кириллу и Мефодию. Почти всегда догадываешься, хотя есть перевертыши, словно сочиненные назло.

П. Вайль. «Соло для кнедлика», глава из книги «Гений места»

О трагической невозможности найти общий язык представителям разных цивилизаций писал вымышленный Куртом Воннегутом писатель-фантаст Килгор Траут. Инопланетянин, на родине которого высшая степень эмоционального возбуждения выражалась попукиванием и отбиванием чечетки, находясь на Земле, вдруг увидел, что загорелась крыша частного дома. Желая предупредить хозяина, он ворвался в гостиную, попукивая и отбивая чечетку, но остался непонятым – хозяин проломил ему голову клюшкой для гольфа.

Конечно же при посещении русскими Чехии все не так безнадежно: чехи – славяне, да и русский язык когда-то учили. Хотя, на мой взгляд, схожесть русского и чешского языков сильно преувеличена. Начинаешь улавливать слова, которые кажутся родными и понятными, а они на деле означают: а) не совсем то; б) совсем не то; в) прямо противоположное по смыслу, ну настоящие слова-перевертыши (издеваются, что ли, над нашим братом?!). Розы у них, видите ли, *воняют*, а носки *пахнут*!

Однако как раз эти забавные особенности чешского (и польского, кстати) языка – еще один способ получить удовольствие, положительные эмоции во время поездки. Туристы охотно запоминают, записывают всевозможные словечки, вставляют их в разговор. А уж какая это благодатная тема для гидов, желающих внести элемент развлечения в свой рассказ! Тут каждый может развернуться, и все уже равно, придуманы эти смешные истории-недоразумения с начала до конца или только слегка отредактированы. Пример: якобы случилась еще в советские времена драка между делегацией рабочих из Воронежа и принимающей стороной – рабочими из города Брно. (А Воронеж и Брно – города-побратимы.) Драка, между прочим, грандиозная вышла и произошла прямо на банкете. Вроде всё прекрасно шло, принимали наших отлично, мир-дружба, пролетарии всех стран, соединяйтесь!.. Короче, разбирали этот неприятный инцидент аж на уровне ЦК (все еще помнят, что это такое?). Первым ответ держал зачинщик драки, слесарь-передовик из Воронежа: «Ну виноват, конечно, не сдержался... Но ведь достал меня этот кнедлик чешский, прям вцепился, как клещ. С утра еще, когда на лодочках катались, падлой меня ни с того ни с сего обозвал. Ну я стерпел тогда, проглотил. Что я, не понимаю – международное положение и все такое. А в ресторане уставился на меня, лыбится нахально, а потом вдруг заявляет, что я урод и что у меня рожа воняет! Ну тут уж я...» А на другом краю соцлагеря чешский пролетарий недоуменно пожимал плечами: «Я все как лучше хотел, на лодках катались – на весла вместе сели. Возьми **весло**, говорю так вежливо (весло по-чешски *падло*). В ресторане его обхаживал: симпатичный ты мужик, говорю. Сказал еще, что **розы хорошо пахнут**, которые их делегация на стол поставила (по-чешски – рожки *вони*). И чего этот русский так взбеленился?!»

Правда, обычно рассказывают менее драматичные и масштабные истории. Например, русская туристка, сидящая в автобусе на первом сиденье, вдруг взволнованно заявила, что у нее пропал кошелек. Водитель-чех, в понимании которого *кошелек* – это нижняя женская рубашка (комбинация то есть), был крайне удивлен самой возможностью подобной кражи, но все-таки решил провести проверку, благо его место находится ниже уровня остальных сидений в салоне. Деликатно обернувшись, он с облегчением заверил пани, что та волнуется напрасно.

А вот пришел черед удивляться уже чешским туристам. Когда их автобус ехал по нашему Черноморскому побережью, девушка-гид, указывая на скопление людей на берегу, сообщила, что здесь соревнуются подводники. *Подводниками* у чехов зовут *мошенников*. «Как, неужели у вас проводят такие соревнования?!» – «Нуда, регулярно. Кстати, в прошлом году чешские подводники первое место заняли...» И представьте, какой гомерический хохот огласил седые стены Карлова университета во время научного симпозиума, когда руководитель российской делегации представил своих молодых коллег как «питомцев нашего университета». *Питомцами* чехи называют *болванов*.

Вот такими незатейливыми и не слишком правдоподобными историями гиды развлекают время от времени туристов. Я поднатужился и тоже внес свою лепту: рассказываю путешественникам о том, как мой земляк из Инты, Володя, посетил Чехию, с большим удовольствием отведал местного пива, но в совершенный восторг привела его надпись на мусорных бачках: «Для odpadков». Как долгоживущи бывают впечатления о поездке: еще год после этого Володя называл отладками интинских милиционеров.

И еще охотно обыгрывают эти забавные словечки те, кто о Чехии пишет. Начиная, наверное, с Аркадия Аверченко, который, если верить его рассказу, умудрился поскандальить в знаменитом ресторане на Вацлавской площади. Доведенный до белого каления нервным официантом и особенно его предложением поесть «салат из окурков», он на весь зал крикнул, что «заказал пиво», чем вызвал возмущение чешских посетителей – кто это посмел *запретить* их любимый напиток?! Петр Вайль удачно в одном абзаце описал различие русского и чешского языков: «*В Праге русский видит плакаты „Позор!“ и покаянно кивает, пока ему, опозоренному и замордованному, не объяснят, что это „Внимание!“*. Но обман продолжается: „черствы́е потравины“ оборачиваются „свежими продуктами“, „вонявка“ – „духами“. Есть прямые насмешки: „салат из окурков“ (огурцов). Есть праславянский детский лепет: „летадло“, „плавидло“, „возидло“ – воздушный, водный и наземный транспорт... Есть образцы социально-политической мудрости: „семья“ по-чешски „родина“, а „родина“ – „власть“...» Вношу свой вклад: *водный велосипед* по-чешски *шлепадло*.

Самое хрестоматийное, известное многим еще до поездки в Чехию словечко – это, конечно, *позор*. Настолько известное, что великий чешский хоккеист Яромир Ягр, игравший один сезон в России в омском «Авангарде», так высказался на пресс-конференции после крупного поражения своей команды: «Это позор!»

Есть такое **русское** слово – позор!» То есть остроумно обыграл его «от обратного». А уж в Чехии туристу не обратить внимание на многочисленные таблички с надписью «POZOR» просто невозможно (только произносится *позор* – ударение у чехов на первом слоге). Особенно забавляют надписи на дорожном полотне «позор – дети», то есть «осторожно – дети». На втором месте в рейтинге популярности у наших туристов, пожалуй, стоят *черствы́е потравины*. Здесь как бы двойная издевка: свежайшие, вкуснейшие сыры, копчености, хлеб – и под такой непотребной вывеской!

Еще одна приятная особенность чешского языка – многие слова звучат для нашего уха ласкательно-уменьшительно, будто чехи не со взрослыми разговаривают, а с детишками лепечут. Когда у нас в рекламах встречается слово *супчик*, меня это раздражает. А вот чеш-

ское *пивечко* (так они называют свое любимое *пиво*) звучит вполне органично. *Стюардесса* по-чешски *петушка*, причем слово это вполне официальное. *Холодильник* – *ледничка*, *утюг* – *жехличка*, *проездной билет* – *йизденка*. Ласковый народ чехи! Во всех исторических текстах любимая чехами мать Карла IV названа Элишкой, только изредка добавляется в скобках Елизавета. Точно так же и святая Анна Чешская – Анежка. Наш новый гид по Праге, интеллигентная пожилая дама, представилась мне Элишкой. Хоть и знаю давно эту особенность чешского языка, все равно, обращаясь к ней по имени, преодолевал некоторое внутреннее сопротивление – не фамильярно ли? А вот другая женщина-гид, с которой я давно работал и звал ее Леной, вдруг дала мне визитку, из которой я узнал, что ее *полное* имя **Ленка(!)**. Ну нет, тут уж увольте, я себя не пересилию – взрослую солидную даму, да на рабочем месте, звать *Ленкой!*

А вот теперь задумаемся над метким определением Петра Вайля: «праславянский детский лепет». Помните *летadlo*, *плавидло*, *возидло*? И с грустью придем к выводу: чешский и польский языки в гораздо большей степени сохранили изначальные славянские корни, чем наш «великий и могучий», в них гораздо меньше иностранных заимствований. На первый взгляд это кажется непонятным – сильнейший прессинг немецкого языка, многолетний запрет на обучение на чешском, в «приличном обществе» – только на немецком! Я имею в виду прежде всего время господства Габсбургов, но сильнейшая экспансия немецкого языка началась гораздо раньше – как минимум с XII века. Однако сложившаяся ситуация только кажется противоречивой; наоборот, загнанный в подполье национальный язык занимает круговую оборону, «консервируется», а во времена более благоприятные выходит на поверхность и стараниями ревнителей и просветителей расцветает, не оскверненный иноязычными заимствованиями. А мы, никем не завоеванные, позволяли себе роскошь перенимать иноземные словечки, пока не забили тревогу славянофилы, не предложили заменять привычные уже термины и понятия на наши, исконные, от славянских корней происходящие. Поздно, *возидло* уехало: уж больно неуклюже, искусственно и совершенно комично выглядят сейчас эти попытки. Не растерять бы того, что сохранилось на сегодняшний день, букву «Ё», например!

Суровый пурист адмирал Шишков, министр просвещения в пушкинские времена, на полном серьезе предлагал вместо иноязычного *тротуар* употреблять *топталнице*, вместо *галюши* – *мокроступы*, вместо *фортепиано* – *тихогромы* и т. д. Однако заслужил только снисходительные насмешки, в том числе и от самого Пушкина, который, употребив в «Евгении Онегине» французское выражение, иронически заметил: «*Шишков, прости:/ Не знаю, как перевести...*»

Ну вот, первые шаги к адаптации на узких улочках Праги вы уже сделали: не стесняетесь теперь, увидев надпись *позор*, не шарахнетесь в ужасе от *черствых потравин* и, наоборот, не будете ломиться в дверь с надписью *вступ заказан*, поскольку уже поняли, что *заказывать* по-чешски – *запрещать*. Хоть какую-то пользу вы уже извлекли из моей писанины, согласитесь!

А теперь давайте продолжим и научимся элементарно объясняться с чехами. Здороваться совсем просто: добре *рано*, добры *дэн*, добры *вэчэр*. Приветствие *наздар* слышится редко, а вот распространенное *агой* лучше бы вам пока не применять: вдруг этот аналог нашего *привет* кому-то покажется фамильярным. Попрощаться сложнее: *на схледану*. В конце слова прямо-таки поется – *насхледаноооОУ*. Наверное, поэтому часто слышу явно сокращенное *насхлед*... «Спасибо» всколыхнет ассоциации с украинским языком – *декуйи*. А другое волшебное слово *пожалуйста* совсем понятно, только почему-то во множественном числе: *просим*. Звучит так: *просипим*. Извинение, как формула вежливого обращения (что-то вроде *извините за беспокойство*), – *проминьте*, а вот если на ногу кому наступили, толкнули – применяйте вполне нормативное чешское слово... *пардон*. (Есть, есть и у них заимствова-

ния!) Отрицание звучит вполне по-нашему – *нэ*, а вот да ни на что не похоже – *ано*. Правда, есть еще разговорное *йо*... Иногда чехи употребляют эти слова вперемешку: *ано, ано, йо, йо*. Это явно заимствованное немецкое *йа*. (Ага, еще одно!) Ну, что дальше? Продолжаем уповать на сходство наших языков: *где – гдэ, налево – влэво, направо – вправо, хорошо – добрже, маленькое – малэ, большое – вэлке* (последние два слова особо важны при заказе пива!). Ах да, жизненно необходимая фраза: «Сколько это стоит?» Она тоже очень простая: «Колик то стои?» Теперь – логично – потребуются числительные. Они тоже вполне узнаваемы на слух: *едэн, два... пет, шэст, сэдум, осум... дэсэт... двацет... тришицет*. Только наше слово *сорок* может поставить в тупик чеха и поляка, не учившего русский язык. Однако в этом мы сами виноваты, ведь выбивается *сорок* из общего понятного ряда: «два десятка, три десятка... пять десятков». А откуда у нас сорок? Вряд ли все ученые пришли к единому мнению, но самая популярная версия звучит так: все дело... в обилии пушнины на наших просторах. Шкурки считали «сорочками», в первоначальном значении «наволочками»: число образовалось от количества шкурок, влезавших в стандартную «сорочку».

Конечно же, говоря серьезно, такого словарного запаса недостаточно для общения даже на туристическом уровне. А учить язык более усердно ради одной поездки вряд ли кто-то станет. И все же я почему-то призываю своих туристов: не спешите переходить на английский язык, хотя чехи, особенно молодые, знают его сейчас вполне прилично. По крайней мере, не начинайте с него. Велика вероятность и на девушку-официантку с Украины попасть, и на прекрасно говорящего по-русски чеха. Однако дело даже не в этом: узнавание, угадывание, удачная попытка применить вспомнившееся слово из разговорника (блеснул!), забавное недоразумение из-за ошибки, расположение официанта, оценившего ваши старания, два-три новых забавных словечка... Все это – простые туристские радости, и грех от них отказываться! Ну что за дело: стоят два славянина и по-английски объясняются! Вот в тупик зайдете, тогда можно и «ай вонт». Впрочем, я не настаиваю.

Кстати, по поводу узнавания, угадывания: здесь в выгодном положении те, кто хоть чуть-чуть понимает по-украински, хотя бы на уровне «ты ж мене пидманула...». Количество понятных слов по меньшей мере удваивается! И звучание праславянских корней улавливается легче. *Як – как, цо – что, лепши – лучше, млувити – говорить, розумити – понимать, красне – красиво, червэны – красный*. Я на нулевом этапе владения чешским вворачивал «украинизмы», то есть, честно говоря, безбожно коверкал язык на псевдоукраинский лад. Может быть, иногда помогало, во всяком случае, объясняться удавалось.

В тему

Однако и с украинским языком возможны сюрпризы! Как уверял один чешский гид, выходец из России, украинское слово «шукать» (искать) означает здесь что-то совсем-совсем другое. Что именно, я так и не понял, может, вы догадаетесь. Короче, вот рассказ гида (за что купил, за то продал!). Украинский хлопец, живущий ныне в Праге, заходит в трамвай и видит там свою знакомую. «Га, Оксана, как хорошо, что я тебя встретил! – жизнерадостно кричит он на весь вагон. – А то я тебя вчера шукал-шукал, шукал-шукал, весь день тебя шукал!» Весь вагон напряженно притих, и

только бальзаковского возраста чешка сказала, глядя задумчиво в окно: «Ну надо же – весь день шукал!.. Какой темперамент!»

Из отзывов моих туристов:

Очень понравилось общаться с иностранцами! Особенно прикольно объясняться с официантами, используя все средства: мимику, жесты, английские и даже какие-то известные украинские слова.

А что же за люди говорят на таком забавном, мягком и приятном для слуха языке? Ох, самые разные. Представьте, с каким раздражением читает деловитый, безукоризненно четкий, организованный и при этом абсолютно непьющий русский человек (я таких встречал) многочисленные исследования о «загадочной русской душе»! Ну чехов хоть числом поменьше. Поэтому попробуем...

Какие они?... и какие мы?

Не люблю Запад, там ничего не понятно. То ли дело в России – выйдешь на улицу, встретишь прохожего, посмотрит он на тебя остреньким взглядом, помотришь ты на него остреньким взглядом – и все понятно.

В. Розанов

Всегда поражался, с какой лихостью, пробыв в стране неделю-другую, иной журналист берется описывать особенности национального характера, привычки, обычаи, уклад жизни! Добро бы еще с претензией на остроумие, с оговорками, типа «мне показалось, что...». Или признался бы уж, что просто пересказывает прочитанное, услышанное от других... Так нет ведь, пишет со смелыми обобщениями, с «глубокомысленными» выводами, с категоричными оценками. Иной раз и мои туристы тем же грешат. Ладно, допускаю, что у многих людей наблюдательность, аналитические способности на порядок выше моих. Однако, прежде чем делать поспешные выводы, подумайте вот о чем: с кем вы общаетесь в поездке? В основном, конечно, в большинстве случаев? Правильно, с официантами, продавцами, работниками гостиниц. А где вы сталкиваетесь с людьми? На центральных улицах, в общественном транспорте, магазинах, ресторанчиках (и вряд ли окраинных, где только свои). Понимаете, к чему я клоню? Ваше «социологическое исследование» имеет огромный изъян: представительность его никуда не годится. Не то чтобы совсем уж не могли вы подметить характерных и характерных черт, но... За границей ваших наблюдений остались домохозяйки, представители творческой интеллигенции, шахтеры, сантехники и т. д. и т. п. А они что, не типичные, что ли? Или, может, главбух в меньшей степени, чем бармен, является обладателем загадочной чешской души? Помните, как у Райкина: «Я тоже с высшим, я тоже нахамить могу». Вот очень характерный пример. Одна туристка, побегав полтора дня по Парижу, ошаршила всю группу своим наблюдением: «Эти французы питаются только сосисками!» А ведь понять, как она пришла к такому, чудовищному для страны гурманов выводу, можно: перекусывала она сама на ходу, рядом с ней крутились такие же спешащие по делам парижане или приезжие – поди разбери... К тому же в Париже, помимо прочих, довольно популярна эльзасская кухня. А это в первую очередь сосиски с квашеной капустой и пиво. Кстати, пива пьют в Париже много, а еще любят шотландский виски. Эдак можно и еще один перл выдать: «Эти французы вина совсем не пьют».

Так что наблюдайте, подмечайте, но не торопитесь с выводами и обобщениями. Вот я... я... Стоп! Похоже, я поймал себя на том, от чего только что так остроумно и убедительно вас предостерегал: да уж, соблазн свалить в кучу все, что услышал от других, прочел в книгах и наблюдал сам, чрезвычайно велик. И главное – сразу же готовы выводы, оценки, заключения... Нет, так дело не пойдет! Давайте договоримся: пишу без претензий на глубокомыслие, на истину в последней инстанции, но и не оговариваясь поминутно: «мне кажется...», «мне рассказывали...», «я читал...». И смело подставляю свою грудь критическим стрелам специалистов-богемистов и знатоков-долгожителей. В конце концов, это моя Чехия, а у вас своя – и это прекрасно!

Сразу беру быка за рога! К моему огорчению, очень и очень многие соотечественники, расспрашивая о стране, где еще не были, первым делом задают (а иногда им и ограничиваются) вот этот «проклятый» вопрос...

Нас там любят... или нас не любят?

Раздражает сама постановка вопроса! Ну почему он постоянно вертится в наших головах?! Ну почему нас непременно должны любить? Давайте-ка вспомним мудрую поговорку: «Чай, не новенький червонец». Так что не заикливайтесь на этом. Я обычно напоминаю туристам бесспорную, на мой взгляд, истину: единственная страна, где нас точно не любят, – это Россия. Имею я в виду и отношение к нам конкретных чиновников, и государства в целом, да и зачастую наше друг к другу. В принципе вопрос о любви и нелюбви чехов к русским небезоснователен с теоретической точки зрения: здесь можно и экскурс в историю сделать, и порассуждать о доброте и сердечности чехов. Наверняка вы прочтете и в некоторых путеводителях, и в путевых заметках, что к нам чехи относятся неважно. Я не собираюсь оспаривать это утверждение, готов даже согласиться с ним, но категорически заявляю: ни малейшего **практического значения** для вас лично в вашей будущей поездке эти теоретические познания не имеют! Уверяю, вы по этому вопросу составите свое собственное мнение к концу поездки, и оно будет зависеть: а) от вашего настроения; б) от набора случайных эпизодов, приятных или досадных, происшедших с вами (а это уж как повезет, на кого нарветесь!); в) от вашей готовности или фиксировать в памяти преимущественно позитивные моменты, или бережно лелеять дурные воспоминания. Все зависит опять-таки от вашего настроения и от характера. Мог бы подтвердить эти тезисы десятками примеров из своей практики, но уж больно показательный, буквально учебно-иллюстративный случай наблюдал я как-то по немецкому телевидению. В одном реалити-шоу нескольких немцев, не знающих русский язык, привезли в Россию, разделили на маленькие группки по два-три человека и без переводчика, кажется и без денег, пустили в сопровождении оператора в свободное плавание. У них было задание: добраться до определенного географического пункта. И вот, стоит одна группка на подмосковном шоссе под проливным дождем и голосует. Час голосует, другой – машины не останавливаются. Уже мокрый лист бумаги с надписью SOS трепещет на ветру – не останавливаются! Что, небывалый случай? Да бросьте: с дождевиков вода грязная льет ручьями, в СМИ криминальные хроники не советуют незнакомых попутчиков на шоссе подбирать, навару не предвидится. Наконец под вечер добрались они до ближайшей деревни, постучались в избушку. Дверь приоткрыл хрестоматийно-похмельный мужичок, что-то промычал, увидев телекамеру, испуганно замахал руками и захлопнул дверь... Потом показали вторую группу. Довольно скоро их подобрал на личном «москвиче» мужчина в форме капитана милиции. «Шпрехен зи дойч, Иван Андреич?» Худо-бедно, разговор завязался. О, и на ночлег оказалось куда гостей определить! Что-то вроде пустующей базы отдыха, где всем нехитрым хозяйством в одиночку ведает баба Дуся. Она растопила баньку, высушила одежду, выставила на стол домашние пироги. Потом последовало долгое душевное чаепитие с показом фотографий внуков... Наутро они распрощались. Поверьте, я не преувеличиваю: обоюдные рыдания в голос, объятия, обмен адресами, приглашения в гости, опять слезы и объятия! Что, фантастически, необычайно повезло второй группе? Да нет: и подвезти у нас могут, денег не взяв, и принять хорошо, накормить и обогреть. Как повезет! А кто из них «типичнее» – баба Дуся или дядя Вася? Согласитесь, и та, и другой. Так что давайте-ка вернемся к пункту «В»: что будет рассказывать друзьям и домашним по завершении проекта участник первой, невезучей группы о загадочной русской душе? Ведь наверняка в дальнейшем он не раз «поменялся везением» со второй группой. Станет ли он под влиянием самых первых своих впечатлений утверждать, что Россия населена мрачными и неприветливыми дикарями? Или со смехом поведаст, как им чертовски не везло в первое

время, но потом, слава богу, все было «зер гут»? Не знаю, не знаю, Ганс Францевич, слово за вами! ¹

Вот и одна моя туристка поделилась впечатлениями первого дня в Праге: на улице что-то спросила, пожилой чех остановился и минуты две пытался ей помочь. А потом, возвращаясь в отель, она засомневалась, где нужный автобус останавливается. Так чешка взяла ее за руку, подвела к остановке и на табличку с расписанием указала... Вот и докажи теперь этой туристке, что «чехи русских не любят». А главное – зачем?!

А противоположные выводы, куда более редкие, о том, что нас не любят, делаются в подавляющем большинстве случаев после общения с официантами. Ну понятно, у нас в России от Москвы до самых до окраин сервис безукоризненный. И плохое обслуживание в чешской пивной можно объяснить только нелюбовью к русским, чем же еще! Вон немцев как быстро обслужили! Вот эти болезненные подозрения – мол, клиентов из других стран предпочитают русским (почти всегда в подобных разговорах фигурируют немцы: в Чехии брось камень – попадешь в немецкого туриста) – пунктик у отечественных туристов. Я все как-то не соберусь захватить секундомер в пивную и провести тщательное исследование, кому быстрее пиво принесут, нашему туристу или немцу. Однако рассказать о трепетной, сложившейся за века любви чехов к немцам у меня есть что. Попозже...

И все же, как чехи к нам относятся? Ну в общем... ну в целом?

Как к **нам**, как **в общем**, как **в целом**?... Скажу честно, не знаю! Ко **мне** хорошо относятся. И к **вам**, Людмила Ивановна, и к **вам**, Семен Семенович, отлично будут относиться, я в этом уверен. Да как к вам можно плохо относиться?! Вы же здороваетесь, заходя в магазин или кафе? А, даже по-чешски пытаетесь? Ну еще лучше, это же так просто: *добри дэн!* Вы же улыбаетесь, вы не ходите весь день с плотно поджатыми губами, с насупленно-горделивым видом, готовясь к тому, что вас непременно сию секунду обсчитают, обманут, обхамят? А если чуть что не так, не бросаетесь в истошный крик? Ну конечно, зачем я спрашивал, вы же отдыхать приехали! Правильно, отдыхайте и наслаждайтесь этой прекрасной страной, общением с этими воспитанными, вежливыми, спокойными людьми... Ой, минуточку... Вот этого мордатого официанта видите? Ммм... я его знаю, он за «Спарту» болеет... А «Спарта» вчера всухую продула. Вот за его столик на всякий случай не садитесь.

* * *

Однако, если я все-таки собираюсь рассказать хоть что-нибудь о чехах, весь предыдущий пафос – «как повезет», «с кем столкнетесь», «как вы, так и с вами» – абсолютно не нужен. Есть же у любой нации отличительные особенности: не похожи шведы на итальянцев, немцы – на испанцев. А я вам больше скажу: на своем маршруте я постоянно общаюсь с чехами и поляками. Славяне, живут по соседству, в соцлагере те и другие побывали. Похожи чехи на поляков? Ну абсолютно разные!!! За одну поездку разницу почувствуете! Вот только с формулировками, с точными определениями трудности. Пожалуй, вовремя я вспомнил о несхожести с поляками: отгалкиваясь от противного, объяснять всегда легче.

Итак, попробую...

**Искрометный темперамент,
безудержная жизнерадостность,
славянская душа нараспашку...**

¹ А если перенести этот эксперимент на чешскую почву, то, как мне кажется, диапазон вероятности несколько сужается: на дороге под дождем вряд ли оставят, но и встретить душевную «бабу Дусю» шансов меньше.

Это все не про чехов. Совсем-совсем не про них. Вряд ли популярные у нас анекдоты про «горячих эстонских парней» правомерно переносить на чешскую почву. Пожалуй, только если с натяжкой: чехи и говорливей и живей всех этих забавных персонажей. Однако порой анекдот про эстонскую стриптизершу, уснувшую на шесте, бывает уместен и здесь. Первое знакомство с чешским темпераментом начинается для наших соотечественников на польско-чешской границе. Туристы, которым повезло подъехать первыми, полны оптимизма: раз предыдущую (белорусско-польскую) границу при таком скоплении автобусов за три часа прошли, то здесь – одним моментом! Лишь мы с водителями, обремененные тяжким опытом, общего оптимизма не разделяем. Не проходит и десяти минут, как паспорта забирают и уносят в кабинку. Еще через полчаса начинают поступать вопросы: что они там так долго делают? Эх, милые, ну что вам ответить? Заносят данные в компьютер, штампуют. Непременно кто-то из туристов говорит: да я б за это время... Так то ж вы! Минут через пятнадцать осторожно заглядываю я в окошко: слава богу, штампует, не чай пьет, уже паспортов пять обработал. Движения пограничника всегда величественно-неторопливы и строго размеренны, как будто подчинены ритму гигантского метронома, установленного в Праге на месте снесенного памятника Сталину. Невольно вспоминается: «Даже я, от которой в детстве убежала черепаха...»² Тот же печальный опыт подсказывает, что ускорить этот ритм никакими мольбами и посулами невозможно: чешские пограничники непрístupны и неподкупны (ну почти всегда). Бывало, при большом скоплении автобусов или при особо благоприятной геомагнитной обстановке темп движений заметно ускорялся, но стремительным его в любом случае назвать было нельзя³. Поляк за то же время и паспорта проверит, и обругает, если не в духе, и пошутит, и с самой красивой девушкой в автобусе позаигрывает. Ну а если его еще и простимулировать!..

В дальнейшем убеждаешься, что чехи вполне могут работать и четко, и быстро. В большинстве ресторанов, пивных, кафе ждешь заказа совсем недолго. Пиво, как правило, моментально появляется на столе, а второе блюдо – минут через двадцать. В облюбованных же мной местах, куда я часто вожу туристов, нас обслуживают действительно очень быстро, профессионально, не без лихости и артистизма. Приятно удивляет, как шустро управляется со всеми делами малочисленный персонал небольших отелей в провинции. Однако в общем и целом неспешностью, несуетностью как будто пропитан сам воздух Чехии. В трудолюбии чехов усомниться нельзя: достаточно посмотреть на ухоженность, благоустроенность страны, налаженность быта. Тем не менее, поддавшись раздражению (на той же границе), нет-нет да и брякнешь в сердцах: «Эти ленивые чехи!» Нет, никакие они не ленивые: все, что входит в их обязанности (или все, что, **по их мнению**, входит в их обязанности), они делают добросовестно, неспешно. И... не более того! От и до! Интересно, как у них оплачивают сверхурочные – в десятикратном размере? Или само понятие «сверхурочные» для чехов немыслимо? Вот общее мнение моих знакомых, имеющих бизнес в Чехии: если предложить чеху какое-то выгодное дело, требующее определенных затрат энергии, лишних шагов, то он долго будет взвешивать соотношение необходимых усилий и возможной выгоды. И скорее всего, откажется со словами: «Ты знаешь, мне хватает». Вообще, даже я с этим сталкивался: договориться с чехами в нашем понимании – к обоюдной выгоде, чтобы все было схвачено, – удается редко. Даже если им не придется прикладывать лишних усилий. Потому и складывается мнение, что «они ни в чем не заинтересованы» (такие слова я много раз слышал от живущих в Чехии русских). То ли дело поляки: те шустрят при каждой возможности, а о чехах отзываются неодобрительно именно из-за их неторопливости и отсутствия предприимчивости. (Не стоит даже говорить, что речь здесь идет исключительно о законных предло-

² Линор Горалик. «Недетская еда».

³ Насколько же легче стало ездить, когда Чехия и Польша вошли в Шенген и пограничный контроль на их границе исчез!

жениях. Иное им и предлагать не следует – чехи очень законопослушны.) Странно: ни в чем не заинтересованы, но и отнюдь не бессребреники. Частный бизнес здесь развивается, растет с каждым годом. И я пришел к такому выводу: чехи очень дорожат сложившимся укладом жизни и болезненно воспринимают любые изменения. Привычный ритм не у всех такой уж неспешный, где-то приходится и шевелиться. Но вот ускорить его извне – задача почти непосильная. Просьба «поскорее, я спешу», даже вежливо высказанная, у официантов всех стран и континентов вызывает раздражение, но в Чехии – особое неприятие и непонимание. Хочешь вывести из себя спокойного и вежливого чеха – поторопи его! По той же причине и деловые предложения часто не находят отклика: не то что бы лень, но ведь привычки надо менять, насилие над собой совершать...

Ура, я получил весомое подтверждение своим и своих знакомых наблюдениям, поискав информацию в Интернете. Оказывается, не так давно проведен был социологический опрос, согласно которому подавляющее большинство чехов хотели бы стать миллионерами. Однако из них же самый большой процент готов забыть о своей мечте, если ради нее придется отказаться от привычного темпа, ритма и уклада. «А ну их, эти миллионы, если с друзьями не встретиться в пивной, спать ложиться поздно, носиться сломя голову...» Кстати, многие пишущие люди отмечают эту черту чехов – любовь к неспешному, несуетному образу жизни – почти как основное их качество. При этом никто из них не считает чехов лентяями. Одна женщина приводит характерный пример: переехав в Чехию, она арендовала помещение в отеле для своего косметического салона. Рекламные вывески хозяева посоветовали ей заказать в той же фирме, услугами которой пользовались они сами, чтобы не нарушать стилевое однообразие. К назначенному сроку вывески готовы не были, через неделю тоже. Возмущенная женщина обратилась к хозяевам, сетуя, что теряет прибыль из-за отсутствия рекламы. Те, посчитав, что незачем торопить и беспокоить художников из-за такого пустяка, предпочли значительно снизить женщине арендную плату.

Когда мы едем еще по Польше, многие спрашивают, почему ранним вечером на улицах городов так пусто. Я же всегда отвечаю: «Да это разве пусто, это массовые гуляния. Вон женщина с собакой, а вон двое дорогу переходят. Вот в Чехию когда приедете...» Действительно, иногда не по себе становится, когда проезжаешь маленькие чешские городки. Как в фильме-катастрофе: обезлюдившая Земля, покинутые города... В восемь часов вечера на улицах ни единой души, а в девять и окна не светятся! Да, чехи встают рано, в пять утра, работа у многих начинается с шести, поэтому и ложатся они далеко не за полночь. Если телефонный звонок раздастся после девяти вечера, говорили мне чешские знакомые, наверняка звонит кто-то из русских партнеров. И хотя не у всех подобный график работы, улицы чешских городков по вечерам безлюдны – уклад! Приучила их к этому еще великая императрица Мария Терезия – трудоголик-жаворонок. А окончательно закрепил привычку уже Франц Иосиф, который тоже любил вставать рано.

Пивные, куда ходят преимущественно «свои», смотрятся вполне брутально: шумно, накурено... И все это в аскетичном интерьере. Суровые мужики беседуют напористо, громко, стараясь перекричать соседей. На самом деле выпить пиво в таком заведении так же безопасно, как посетить детсадовский утренник. На вас лишь покосятся с любопытством – и все. Недоброжелательности вы не почувствуете – чехи абсолютно неагрессивный народ. За четыре года путешествий я не наблюдал ни одной драки даже на стадии зарождения: хватаний за грудки, риторических вопросов «Ты кто такой?! – А ты кто такой?!». Даже девушкам

я советую не пугаться и не бежать прочь, если забрели случайно в чешскую пивную. Самая сильная реакция, на которую вы можете рассчитывать, – услышите за спиной восхищенное: «Яка ужасна жабка!» Гордитесь – это изысканный комплимент: *жабками* (лягушками) чехи называют хорошеньких молоденьких девушек, а *ужасна* значит *ну очень хорошенькая!* А вот на дальнейшее – на ухаживание, попытку познакомиться – вряд ли стоит надеяться (чешский темперамент!), что многих может и огорчить. Увы, если приехали с надеждой на романтическое знакомство, то уповать остается только на немецких или американских туристов!

«Слегка замороженные» – так часто снисходительно-благожелательно характеризуют чехов. А от людей, находящихся в раздраженном состоянии, приходилось слышать другую характеристику: «Чехи – плохие немцы». Очевидно, имея в виду безусловное «онемечивание» чехов, некоторые считают, что чехи переняли от немцев те черты, которые традиционно приписывают последним в качестве недостатков (занудство, ограниченность, отсутствие гибкости), а вот о положительных как-то забыли. Наверное, здесь есть доля правды, но объективность сразу требует массы уточнений, поправок, оговорок. Воистину, «мысль изреченная есть ложь»! Нет, чехи не галантные, брызжущие остроумием ловеласы, вроде поляков, но они улыбчивые, обходительные, воспитанные. Скорее суховато-вежливые. Не столь безукоризненно четкие, как немцы, но вполне исполнительные и обязательные. Уж с итальянцами не сравнить! Неоткрытые, недобросердечные... А вот об этом хотелось бы подробней.

Сердечность

Я не стал бы оперировать такой сложной и расплывчатой категорией, если бы словосочетание «чешское сердце» не всплывало в разговорах с самими чехами.

Случайный сосед по столику в кафе оказался бывшим гидом, работавшим с русскими группами еще во времена «Интуриста». Вспоминая об этом с явной ностальгией, собеседник не единожды веско и громогласно провозглашал: «Русское сердце лучше, чем чешское сердце!» Единственно, что он вспоминал с содроганием, как русские туристы скупали в огромных количествах ковры и сверх меры набивали ими автобус.

«У меня скорее русское сердце, чем чешское сердце», – с умильной непосредственностью говорит о себе любимая мной М., чешский гид, с которой я часто работаю. Милая, кто бы сомневался! Достаточно посмотреть, как самозабвенно машешь ты ручками, потряхиваешь головкой во время своих эмоциональных экскурсий. Как надо тебя постоянно держать под контролем: не вытащишь вовремя из собора Святой Варвары, прервав взволнованный рассказ о тяжелой доле средневековых шахтеров, – опоздаем в замок Жлебы, заброшенный на одиннадцать. На двадцатой минуте нашего знакомства я уже знал, что «... я все время мечтала, что муж у меня будет интеллигентом, очень умным, каким-нибудь научным работником... А сейчас я замужем за слесарем, он замки открывает. Зарабатывает неплохо... мы хорошо живем... да, я знаю, я уже немолода... ой, туристы такие разные бывают... представляешь, Вячеслав, я на некоторых даже иногда ору (не представляю! – В. П.)». Ну где еще услышишь столько сокровенного за полчаса беседы! Только от попутчика в скором поезде Москва – Воркута. А для Чехии это, безусловно, экзотика. (И ведь всего-то несколько лет прожила М. в Ленинграде. Правда, лучшие молодые годы! Или это врожденная «патология»?)

Великий Альберт Эйнштейн до Первой мировой войны провел несколько лет в Праге, преподавая в местном университете. Поначалу ему очень нравились чехи, особенно на контрасте с немцами, которых он всю жизнь терпеть не мог. Однако со временем он стал отзываться о чехах сдержаннее, отмечая их «несердечность». Да, категория это сложная, требует и более тесного и более продолжительного общения. Иногда и муж с многолетним стажем узнает о сердечных качествах любимой жены, только потеряв хорошо оплачиваемую работу или серьезно заболев. Во всяком случае, в самых доброжелательных отзывах о чехах определений «открытые, эмоциональные, сердечные» мне встречать не приходилось. А я не собираюсь спорить, тем более с Эйнштейном, могу только поделиться своим...

Только что я расстался с туристами в центре города, как вдруг звонок на сотовый. Мой турист сообщает, что у его жены кровотечение, «скорую» уже вызвали! Бегу к указанному месту и застаю такую картину. Прямо посреди тротуара на стуле сидит бледненькая заплаканная девочка, на асфальте – лужа крови. Рядом мужественный супруг (офицер!) и две немолодые чешки в рабочих халатах и с окровавленными тряпками в руках. Это они вынесли из своего магазина стул, вызвали «скорую помощь», они же старались успокоить бедняжку, опирали ей белые кроссовки от крови и собирались все бросить и ехать вместе с ней в больницу, чтобы помочь объясниться с персоналом или чем-то там еще.

Так уж мне «повезло», что по случаям, когда приходилось с туристами обращаться за медицинской помощью, я среди коллег рекордсмен. И всегда (!) чешские медики производили на меня исключительно благоприятное впечатление: они не только действовали добросовестно, но и вели себя с беднягами больными терпеливо, ласково, стараясь успокоить, приободрить. Конечно, это профессиональная этика, но всегда ли, везде ли?... А когда женщина-врач, отпустив мою туристку под роспись (уезжать надо было, та же побоялась оста-

ваться одна в больнице на чужбине), вышла из кабинета и... обняла ее на прощание?! Как вам такая «несердечность»?!

В Чехии я сталкивался с разными ситуациями, когда чехов ну уж никак нельзя было назвать сухими, черствыми и несердечными. И выручали меня, и помогали не раз, и беседы вели душевные, и подарки дарили от чистого сердца... Возможно, я просто запоминаю такие случаи лучше, чем что-то плохое. А может, так и надо?

* * *

Однако как же – многие захотят спросить – мог я до сих пор обойтись без ссылок на великий роман о бравом солдате Швейке? Тем более что его многие считают энциклопедией чешского национального характера. Исправляюсь!

Швейковина

«Пассивное сопротивление абсурду» – вижу реальную опасность начать постоянно поддакивать Петру Вайлю, но обойтись без остроумных и емких формулировок из его книги «Гений места» я и в дальнейшем не смогу. И здесь точнее не скажешь! Ненавистная империя, опостылевший Франц Иосиф гонят мирных, ценящих превыше всего покой и уют чехов на кровавую бойню. Да еще и воевать придется против братьев славян! Как сопротивляется этому «непризнанный скромный герой» Швейк? Вроде бы никак: сев зачем-то в инвалидную коляску, выкрикивая патриотические лозунги, идет «умирать за государя императора». Только уж очень долгим кружным путем, описание которого у Гашека укладывается в шестьсот страниц. (Причем до фронта Швейк так и не добрался: Гашек не успел дописать роман.) Путь Швейка проходит через психбольницу, госпиталь, тюрьмы, гауптвахты, арестантские вагоны, а еще brave солдат упорно топает в родную часть пешком, ночуя в стогах сена, только с дороги немного сбивается, сделав приличный крюк, – с кем не бывает! *«Идет, дескать, в Будейовицы, в полк. Это из Табора-то! А сам, шаромыжник, сперва в Гораждёвицы, а оттуда только в Писек! Да ведь это кругосветное путешествие!»*

Подробно в романе описан суровый, жестокий мир вокруг: заедают вши в кутузках, садисты-врачи от всех болезней лечат клистирами, офицеры орут и дают зуботычины, грозят расстрелами военно-полевые суды, а главное – впереди окопы и русская шрапнель. Однако везде, куда заносит Швейка, он создает другой, маленький мирок, по-домашнему уютный, противостоящий внешнему, нелепому и абсурдному. *«Вахмистр закурил трубку, дал и Швейку набить трубку, ефрейтор подкинул дров в печку, и жандармское отделение превратилось в самый уютный уголок на земном шаре, в теплое гнездышко. Спустились зимние сумерки. Наступила ночь, время дружных, задушевных бесед».* (Надо только пояснить, что в данном эпизоде Швейка подозревают в шпионаже и ему грозит виселица.) В этом мире царит простой здравый смысл, ведутся задушевные беседы с соседом по нарам о прелестях мирной жизни, о прогрессирующем слабоумии императора Франца Иосифа, в нем порой закатываются настоящие пиршества, если повезет стянуть еду и выпивку с офицерского стола. Здесь можно безопасно позубоскалить над начальством, прикинувшись круглым идиотом. Перспективный план тоже ясный и безоблачный – при первой возможности сдать в плен к русским. И девиз этого мира, разумный и бесспорный: «Жить можно, бывает гораздо хуже!»

Вот это и есть сопротивление по-швейковски: не баррикады, не бунт «бессмысленный и беспощадный», а при всех внешних обстоятельствах своя жизнь, свой мир, не героический, но неуязвимый. У вас – Франц Иосиф и Брежнев, подпоручик Дуб и партсобрания, а у нас – здравый смысл, юмор и кнедлики. У вас своя компания, а у нас – своя. Вы сильнее, а мы – живучей! Вот такое «покорное непокорство», «непротивленческая несломленность».

А насколько «швейковина» соответствует чешскому характеру? Хотя и приходилось слышать мнение, что многие в Чехии недолюбливают роман Гашека – якобы в нем он надсмехается над чехами, выставляет их в глупом свете, – я думаю, это они зря. Еще сам Гашек беспокоился, что не все понимают его Швейка. *«Не знаю, удастся ли мне достичь этой книгой того, к чему я стремился, – с грустью признавался Гашек. – Однажды я услышал, как один ругал другого: „Ты глуп, как Швейк“. Это свидетельствует о противоположном».* И если слово «героический» трудно применить к спокойному, уравновешенному чешскому характеру, так что ж с того. Сами чехи о себе говорят: чешские люди – хорошие люди, но не борцы.

* * *

А ведь в давние времена чехи были совсем другим народом – крайне воинственным и непокорным. Чуть что не по ним – тут же врывались в госучреждения и выкидывали из окон верхних этажей неугодных чиновников. Даже шутка появилась о чешском национальном виде спорта – швырянии из окон. Даже термин этому явлению придумали – «дефенестрация». При своей врожденной боязни высоты тут уж я никак не соглашусь с Петром Вайлем, который умилительно называет эту казнь «... домашняя, вроде уборки квартиры», – по мне так гуманнее дубиной по голове. После первого такого швыряния разразились жестокие и опустошительные гуситские войны, когда табориты, ведомые свирепым и талантливым полководцем Яном Жижкой, навели ужас на окрестные страны, отразили четыре крестовых похода европейских рыцарей. А когда сами были разбиты под Липанами, то уцелевшие воины не остались без работы – их охотно по всей Европе брали наемниками, как людей, имеющих отличную профессиональную репутацию. А недавно я узнал, что еще задолго до этого великий император Фридрих I Барбаросса с большой пользой для себя привлек чешское войско для своего очередного итальянского похода. Слава о жестоких грабежах чехов, не получавших никакого жалованья, шла впереди них. А чешский князь Владислав II, умело используя приемы психологической войны, искусно эту славу поддерживал. Когда чехи первыми из войска Барбароссы форсировали разлившуюся реку и разбили лагерь под стенами непокорного Милана, Владислав велел своим воинам надеть маски чертей, а также понаделать из теста фигурки младенцев, жарить их на кострах и поедать на глазах у осажденных. Пришедшие в ужас миланцы, получив такое зримое подтверждение слухам: мол, чехи – самые настоящие дьяволы и людоеды, – прекратили сопротивление и выплатили огромный выкуп императору.

Когда же с чешской воинственностью произошла такая метаморфоза? Здесь мне кажется очень правдоподобной теория «генной чистки», которую я услышал один-единственный раз от местного гида. Когда в XVI веке учение Мартина Лютера распространялось по всей Европе, в Чехии оно нашло особо благодатную почву: гуситские убеждения сохранились в умах и сердцах чехов на многие годы. Сам Мартин Лютер, посетив Прагу, так высказался о своих единомышленниках: «Все мы в той или иной степени гуситы». К концу XVI столетия восемьдесят процентов населения Чехии стало протестантами. В это время чешской короной владели уже австрийские Габсбурги. От них протестанты требовали признания равных прав с католиками. А когда получили окончательный отказ, что они сделали?... Правильно – опять выкинули из окна чиновников. Когда будете со мной в Праге, я вам это окно в здании королевского дворца покажу. Третье по счету швыряние получило несколько комическую окраску, так как на этот раз чиновники спаслись, упав в кучу мусора, скопившегося под окнами дворца, но дальнейшие события были совсем не веселыми. Чехи подняли восстание, но потерпели сокрушительное поражение от нового австрийского императора Фердинанда II на Белой горе. С этих событий началась Тридцатилетняя война, опустошившая Европу, а для чехов Белая гора стала трагическим символом полного порабощения родины империей Габсбургов. *«Посерев от боли, / стонут воды Влатвы, / триста лет неволи, / двадцать лет свободы»* (Марина Цветаева,). Фердинанд жестоко расправился с повстанцами. Двадцать семь предводителей были казнены на Староместской площади, а потом произошла та самая чистка. Всем дворянам-протестантам было предложено или вернуться в католическую веру, или навсегда покинуть родину. Кто-то смог поступиться своими убеждениями. (Помните, как во Франции Генрих IV произнес: «Париж стоит мессы»? Стоя перед подобным выбором, он предпочел принять католичество, чтобы получить французскую корону.) Однако цвет чешского дворянства – самые непримиримые и стойкие ока-

зались на чужбине. Среди них – великий чешский педагог Ян Амос Каменский. Пожалуй, для генофонда маленькой страны это был значительный урон. И грабли при такой чистке были чаще: отречься от своей веры надо было перед Богом.

Быть может, и спорно такое объяснение, но одно последствие этих событий очевидно: сейчас чехи – малорелигиозная нация: меньше половины от всего населения считают себя верующими. Сравните с соседями-поляками, ревностными католиками.

А какие мы?

Хочется избежать стереотипов и банальных утверждений, вроде «наблюдая за другими, лучше узнаешь себя». И все же правда в этих словах есть, причем самая конкретная. Прежде всего замечаешь за другими те черты, которые для тебя нетипичны, иначе бы и внимания на них не обратил. Потом встает проблема восприятия: кажутся ли тебе эти черты положительными, возможно, они вызывают легкую зависть или им даже хочется подражать? Или вот, например, недостатки – какие чувства вызывают они, насмешку или раздражение? Вот и прекрасный повод для самоанализа подвернулся: оказывается, очень часто раздражают тебя в других не объективные недостатки, а вполне даже общепризнанные достоинства, которых ты сам лишен или до которых слегка недотягиваешь. И знаете, какой самый убедительный тому пример? Немецкое слово *орднунг* – *порядок* знают у нас многие, даже не владеющие немецким языком, и употребляют с иронией, насмешкой, раздражением – да как угодно, только не с уважением и завистью. А ведь что мы считаем самым большим недостатком нашей российской жизни? Отсутствие порядка во всем: в соблюдении законов, в дорожном движении, в обслуживании, в экономике... Чаще всего, приехав за границу, мы умиляемся прежде всего чистоте и порядку, но... до поры до времени, пока не вступит этот порядок в противоречие с нашими привычками. Вот тогда и расходится у нас теория с практикой. Мы ужасаемся коррумпированности нашей государственной системы, но... «С их полицейским невозможно договориться, орднунг проклятый!» На дорогах наших полный беспредел: правила нарушают водители, пешеходы лезут под колеса, но... Мы восторгаемся заграничными водителями, соблюдающими правила, людьми, терпеливо ждущими на переходах зеленого света при полном отсутствии автомобилей на дороге, но рано или поздно ехидно усмехаемся, глядя на них: орднунг, мол. А уж если оштрафуют!.. Страдаем от нашего «правового нигилизма», а часто ли говорим о ком-нибудь «он законопослушный», не вкладывая в эти слова ни малейшей доли иронии, хотя бы даже снисходительной? Да почти никогда! Покорный, недалекий зануда – вот кто для нас человек, живущий в соответствии с орднунгом. Эх, видно, в человеческой природе заложено: «не по-нашему» – почти всегда синоним «плохо». Причем в диалектическом единстве с пониманием, что нам бы самим это качество не помешало бы.

Вот очень показательный пример столкновения двух менталитетов (о нем рассказала мне пани Мелада, замечательный чешский гид). Ей как-то пришлось сопровождать нашего индивидуального туриста, нового русского. Он просил показать самые роскошные чешские замки, и ему первым делом рекомендовали осмотреть замок Глубока-над-Влтавой (запоминайте). В первом же зале турист деловито расчехлил фотоаппарат и тут же услышал от сопровождавшей его девушки, работника музея, что здесь снимать нельзя. Турист спохватился: «Ах да, как же я забыл уладить этот пустяковый вопрос!» – и протянул девушке денежную купюру. Девушка опять: «Нет!» Достоинство предлагаемых купюр росло, вместе с ним росли недоумение и раздражение туриста, пока девушка не заявила, что сейчас вызовет охрану. Надо отдать должное, турист оказался человеком вменяемым: когда ему предложили буклеты с цветными фотографиями, он быстро успокоился. Свое желание запечатлеть интерьеры турист объяснил тем, что только недавно построил большой дом под Москвой и хочет, чтобы внутри он был точь-в-точь как замок. Так вот, давайте проанализируем: вряд ли неуступчивость девушки объясняется каким-то особым бескорыстием, классовой или национальной гордостью и т. д. В ее красивой головке четко сработало «нельзя, не положено», а мысль о возможности получить солидную прибавку к невеликой музейной зарплате даже не успела ее посетить. В голове же туриста царил отечественное «здравомыслие»: «Да понимаю я, что не положено, но ведь всегда можно договориться... Всего несколько снимков...»

Причем в данном случае это не были типичные новорусские понты: часть обычных моих туристов, несмотря на запрет, пытаются снимать в замках, в лучшем случае исподтишка, ведь нельзя, но очень хочется.

Наверное, и на Западе нас подобным образом воспринимают: так же субъективно, руководствуясь первыми впечатлениями, отталкиваясь от своих привычных представлений о плохом и хорошем, правильном и неправильном. Не знаю, трудно влезть в чужие головы. Однако некоторыми наблюдениями и соображениями поделюсь.

Возможно, некоторые из вас считают, что приезд и заселение в отель пятидесяти российских туристов воспринимается персоналом как стихийное бедствие, как нашествие варваров... Ой, как вы ошибаетесь, как вы неправы! Тут, дорогие мои, все очень относительно, и это вы поймете уже на следующий вечер, когда придет немецкая группа! Поневоле задумаешься: и как же так можно галдеть, шуметь, петь и носиться по этажам всего с двух-трех кружек пива? Один раз малолетние мои школьники с сильно наигранным возмущением и плохо скрытым любопытством сообщили мне, что дяденька англичанин совсем-совсем голый бегал по гостинице (надо же, национальность определили, значит, в диалог успели вступить, полиглоты!). Пришлось вызвать охрану, но англичанин, как видно, уже успел реализовать свои представления о полноценном отдыхе и ушел спать. Грустно разошлись по номерам и мои школьники, ожидавшие продолжения шоу. Но что там немцы и англичане! Как-то разговорился я с девушкой на ресепшн, и вдруг посреди разговора с надрывом, с придыханием она поведала мне: «Завтра... приезжают... итальянцы». И я понял причину апокалипсического ужаса, мелькнувшего в ее красивых глазах: я наблюдал когда-то приезд итальянцев!.. Еще при подходе к отелю я увидел два огромных двухэтажных автобуса, из багажников которых выносились большие упаковки бутылок минеральной воды (ну еще бы – разве можно пить какую-нибудь воду, кроме своей, итальянской?) Огромный вестибюль гостиницы был заполнен симпатичными разновозрастными людьми с чемоданами. Но, боже, это был не шум, не гул – это был оглушительный непрекращающийся крик! Нет, «красные бригады» не взорвали минуту назад бомбу, не назревал митинг протеста: милые итальянские туристы просто дружелюбно переговаривались между собой. Перекрикивались с друзьями по диагонали всего большого зала, но точно так же оглушительно кричали, общаясь с приятелями, стоящими рядом! И при этом, конечно, жестикулировали, жестикулировали! Все как в итальянском кино эпохи неореализма. Забавно: в одном путеводителе по Италии приведен разговорник, где помимо расхожих итальянских слов и фраз изображены и самые характерные итальянские жесты, имеющие определенное, вполне конкретное значение.

С точки зрения местных гидов, самые ужасные туристические группы тоже итальянские. Туристы всю экскурсию галдят, пытаются влезть на статуи невзирая на ограждения, щупают руками реликвии, на которые и дышать-то нельзя. (Для справедливости должен сказать – нет большего удовольствия, чем разговаривать с небольшой группкой итальянских туристов, особенно молодых людей, особенно молодых девушек! Они и общительны, и любознательны, и охотно рассказывают о местах, откуда родом. И не кричат при этом почему-то! Очаровашки!)

А самые интеллектуальные, самые любознательные, интересующиеся историей и культурой туристы – внимание! – наши, российские! И я этим горжусь! А вы? В Испании слышал от местного гида, что после падения «железного занавеса», когда хлынул поток русских туристов, ее коллеги стали говорить: наконец-то, мол, мы узнаем получше историю своей страны, ведь культурные запросы русских туристов значительно выше, чем у путешественников из других стран. Те только пофотографируют, пофотографируют и через час уже спрашивают: «А где поблизости хороший рыбный ресторан?»

Могу подтвердить: группы, конечно, бывают разные. Иногда в сердцах подумаешь: «Господи, зачем приехали?!» Однако подобное, поверьте, происходит очень и очень редко.

Куда чаще видишь, как записывают за экскурсоводом, и не только любознательные пенсионеры, но и молодые девушки. Вопросы задают, и не только о нынешней жизни чехов (как у них, например, образование построено и здравоохранение, какие пенсии). Спрашивают и об истории, и о культуре. «Каким образом династия Люксембургов оказалась на чешском троне?» И это не историк вопрос задал, а просто любознательный, начитанный мужчина! Наши туры, если говорить объективно, явно перегружены информацией, поэтому я себя сдерживаю: когда мы едем без экскурсовода, стараюсь не злоупотреблять вниманием туристов. «Если у тебя есть фонтан, заткни его, дай отдохнуть и фонтану» (Козьма Прутков). Правда, нередко и во время переездов слышу: «Вячеслав, а вы нам обещали рассказать, как Чехословакия распалась», «Вячеслав, а расскажите что-нибудь еще». Для меня это как ножом по сердцу, а самая ненавистная просьба: «Может, фильм какой-нибудь поставим?» Дома не посмотрелись?!

Что касается культуры поведения: ну, не замечал я, чтобы наши туристы вели себя развязнее, шумнее, наглее других, скорее наоборот. Скованней, бестолковой, неотесанней? Ммм... пожалуй, тоже нет. «Пустили Дуньку в Европу» – это точно не про моих туристов! Отдельный случай – посещения ресторанов и кафе. Часто меню без дублирования на русском языке вызывает легкую панику. И это, несмотря на подготовку, которую я обычно провожу в автобусе еще на подъезде к Чехии: «*Читайте, почти все понятно: опечено – запечено, грилевано... курица, рыба – все по-нашему. Ну, не карп, а капр, легко понять...*» Что ж, подхожу, помогаю, при этом обязательно слышу обезоруживающие вопросы: «А что тут вкусное? Скажите, а это вкусно?» Черт, ну почему владельцам ресторанов сразу не поделить бы свои меню на два раздела: «ВКУСНЫЕ БЛЮДА», «НЕВКУСНЫЕ БЛЮДА»? Время для выбора прошло достаточно, подходит официант, нужно делать заказ... И тут часть клиентов вступает в новую фазу сомнений и раздумий. Одна дама начинает выяснять технологические тонкости приготовления выбранного было блюда, причем именно тонкости, вплоть до степени измельченности отдельных ингредиентов. Вдоль волокон ли нарезано или поперек? Спрашивает, естественно, по-русски; официант, естественно, не понимает. Дама исправляет свою оплошность, теперь она повторяет вопрос очень громко, четко отделяя слова: «ВДОЛЬ... ВОЛОКОН... ИЛИ... ПОПЕРЕК?» Все равно «дурень» не понимает, да еще и злится почему-то. За соседним столиком дама решает пересмотреть свои ранее намеченные планы: «Или нет... что-нибудь... Люся, а ты что заказала?... Ааа... тогда и мне... Ой, нет, это с капустой?... Нет-нет, мне что-нибудь другое... А это вкусно?» И все это так раздумчиво, неспешно, не обращая внимания на подпрыгивающего от нетерпения официанта. Тот в конце концов начинает яриться, убегает, предложив еще подумать... Вот отсюда и разговоры дурацкие идут: нас не любят, к русским плохо относятся.

Однако это все частные случаи, пустяки. Самое поразительное и действительно неприятное открытие я сделал в начале своей работы в качестве сопровождающего – **в массе своей** наши туристы **не оставляют чаевых** в кафе и ресторанах! Да, не все, конечно, но в подавляющем большинстве не оставляют. Москвичи и провинциалы, пожилые и молодые: из тридцати человек если четверо оставят – уже хорошо! До сих пор не могу найти этому объяснения: в Советском Союзе платили, в России платят, а в Чехии – нет! Что тут скажешь? И ведь довольны обслуживанием, с симпатичным официантом на память фотографируются, его просят снимок сделать, позируя с пивными кружками в руках. А расплачиваются так: сто девяносто две кроны – и сдачу в восемь крон, внимательно пересчитав, кладут в карман! Так что я думаю: если действительно какой-то официант с предубеждением относится к русским, то не потому, что вспоминает шестьдесят восьмой год, думает он о предыдущих русских туристах, которые чаевых не оставили. Поэтому, что скрывать, когда мы, гиды, заказываем коллективный обед, собирая определенную сумму с туристов, то в нее всегда закладываем и чаевые. Вот тут официанты порхают как бабочки, блистая улыбками и ост-

роушим. И все довольны! А владелец ресторана, где я обычно устраиваю такие обеды, как-то сообщил мне, что больше всего любит русских. Ну я, понятно, списал было это на политкорректность, желание сказать мне приятное... Однако тут он мне заявил: «А больше всего я не люблю... украинцев!» Я ему деликатно так напоминаю, что моя фамилия Перепелица, что я сам как бы... тоже. Однако он стоял на своем: не люблю – и все тут, невозможно с украинскими группами дело иметь! Вот видите, как субъективный опыт неудачного общения с одним-двумя какими-то настырными украинцами бросил тень на весь великий братский народ. Я все же решил его не переубеждать: это вам за Крым, это вам за Мазепу!

А как насчет нашего пресловутого пьянства, любви к «погудеть»? Видно, мне везло с группами (сплюнул три раза через компьютер!), да и коллеги рассказывали об отдельных тяжелых случаях, но тоже весьма редких. Как следует расслабиться, оттянуться во время отдыха позволяют себе многие, не только русские. И вряд ли мы как-то особо выделяемся на общем фоне. Работницу небольшой провинциальной, но стоящей на бойком месте гостиницы я специально спросил, как себя обычно русские туристы ведут. «Добре, добре», – улыбнувшись, кивнула добрая женщина. Я опять сделал поправку на ее деликатность, но вскоре выяснилось, что у них часто останавливаются транзитом натовские солдаты, отслужившие в Боснии. Ну тогда понятно: по сравнению с военными, побывавшими в «горячих точках», любые постояльцы ангелами покажутся! Однако еще женщина вспомнила, что больше всего шуму, гаму и неприятностей было от молодых польских ребят-туристов. Так что все относительно!

Правда, одно качество, увы, в худшую сторону отличает многих русских туристов от всех остальных – постоянная готовность качать права, искоренять недостатки. В отдельных случаях человек заранее настраивает себя на скандал. Отношения он готов выяснять только на повышенных тонах, иногда переходя на безобразный визг. Это мое личное наблюдение, и я предвижу ваше несогласие, даже протест. Однако берусь отстаивать свою точку зрения. Закатывающих истерики в отеле или ресторане западных туристов мне наблюдать не доводилось (не утверждаю, конечно, что их вообще не бывает). А вот наших... увы, увы, увы! И дело, конечно, не в какой-то особой капризности, скандальности или невоспитанности. Дело именно в настрое: многие туристы пускаются в поездку в тревожной уверенности, что их непременно обманут, что-то недодадут российские туроператоры⁴, а местный персонал будет дискриминировать по национальному признаку, потому что они русские... Вот и думают такие туристы: «Ага, вот вы как! Ну уж дудки, не на тех напали! Прошли те времена, когда с нами можно было как с быдлом! Пора заставить себя уважать!» При таком «аудиторском» настрое недостатки находятся быстро: иногда действительные, иногда несущественные, легкопоправимые, а чаще всего – абсолютно надуманные. Порой создается впечатление, что наши туристы прибыли из самой благоустроенной страны в мире, с самым идеальным сервисом (но с низким уровнем толерантности). Объяснение этому явлению можно предложить следующее: растет благосостояние, все чаще наши туристы бывают за границей, и требовательность их к уровню обслуживания возрастает. И хорошо, и правильно – человек должен себя уважать! Вот только на самом деле подобные претензии – полная чушь! Туристы опытные, объехавшие всю Европу, услышав жалобы попутчиков, искренне поражаются: «Это плохая гостиница?! Плохие завтраки?! Да вас бы в Париж, на мансарду, и континентальный круассан с мармеладкой по утрам!» Почти всегда подобные искоренители недостатков – это туристы-новички или люди, отдохнувших пару раз в четырехзвездном отеле в Турции. При этом они обязательно перед поездкой внимательно (но не критично!) изучили газетные рубрики под общим названием «Уголок потребителя». А я убежден: как излиш-

⁴ Между собой мы, гиды, называем это явление «синдром обманутого вкладчика». Согласитесь, было от чего ему появиться у наших людей.

няя робость и нетребовательность одной части туристов (таких все меньше становится), так и истеричная сверхтребовательность других – разные способы проявления неистребимого нашего **комплекса национальной неполноценности**. Никто со мной не соглашается, а я все больше в этом убеждаюсь. Как же можно на отдыхе, наслаждаясь красотой, негой и обжорством, не выкинуть из головы сверхзадачу «отстаивать национальное достоинство», «заставлять себя уважать», да еще и добиваться этого методами, приводящими к прямо противоположному результату. Ну что за дурость! А эта болезненная подозрительность: «Немцев-то у окошка посадили!.. Американцев быстрее обслужили!» Что это, как не подспудное ощущение собственной ущербности? И еще: до сих пор очень остро стоит вопрос соотношения цены и качества. Никак не привыкнули наши люди оперировать этой разумной категорией. Предъявляя подчас непомерные требования, начисто забывают о весьма скромной цене путевки. И совершенно игнорируют тот факт, что в том же самом обыкновенном отеле, который они заклеили как несоответствующий, а то и ужасающий, постоянно останавливаются не только неприхотливые и бережливые немцы, но и англичане, и итальянцы, и американцы, куда более богатые, чем наши туристы. Они вполне могли бы позволить себе отель пошкарней, поближе к центру. Так нет же – живут в «ужасающем». Потому что соотношение цены и качества их вполне устраивает. Свежее белье, чистый номер, исправная сантехника, горячая вода – упасть и уснуть, а завтра опять весь день носиться по Праге, – что еще надо?

Впрочем, я тоже заикнулся на мелочах, уподобившись мною же критикуемым туристам: далеко не часты описанные выше претензии к «слишком маленьким» гостиничным полотенцам и «слабой» их впитывающей способности. Тем более редки скандалы и по настоящему серьезные конфликты. Ну, бывает, что скрывать, но это, боже упаси, ни в коем случае не характерная, определяющая черта моих любимых путешественников.

А что же тогда самое-самое характерное? Да то, о чем уже говорил и чем не перестаю я искренне гордиться: неутомимая любознательность, жажда новых впечатлений, широта культурных запросов, открытость красоте и умение восхищаться, восторгаться увиденным с открытым ртом и горящими глазами! А в Чехии для всего этого такая благодатная почва! Ну как не любить эту страну... и таких туристов?!

И все же вернемся к нашим чехам.

Чешский характер. Попытка обобщения

Лучше не скажешь, чем Петр Вайль: *«Разумный, неартистический народ вызывает не восхищение, а уважение».*

Да, чехи спокойны, разумны, сдержанны, не склонны к излишнему проявлению эмоций. Причем последнее качество объясняется не только и не столько отсутствием бурного темперамента, сколько воспитанием. Открытое проявление чувств, повышенная эмоциональность считаются у них дурным тоном.

Еще более неприличным считается кичиться своим достатком, выставлять напоказ дорогую покупку, будь то шуба, машина, телефон и т. д. Хвастовство чехам абсолютно несвойственно. Кстати, расслоение общества на богатых и бедных в Чехии на порядок меньше, чем у нас. Тем не менее богатых все равно не любят, хоть они и ведут себя тихо, незаметно. Двор чешского сената заставлен одинаковыми служебными «татрами», а отнюдь не дорогими иномарками. Помпезность – это не про чешские города. Только в период наибольшего «угара» национального возрождения было построено несколько огромных пышных зданий, которые явно не вписываются в уютный камерный облик Праги, что лишний раз подтверждает данный тезис.

Чехи неагрессивны, что может вызывать только симпатию. Они невоинственны, и это дает повод людям, по какой-то причине не любящим чехов, упрекать их в былых «ошибках»: почему не оказали вооруженного сопротивления немцам в тридцать восьмом году и русским в шестьдесят восьмом? Сомневаюсь, что говорят это люди, неоднократно замеченные на баррикадах со связками гранат. Тем не менее и им чехи отвечают спокойно и с достоинством: *«Мы маленький народ. У нас был выбор – погибнуть всем или жить. Мы выбрали жизнь. Мы любим жизнь».*

Жизнелюбие чехов проявляется просто и незатейливо. Они с удовольствием обустривают свой дом, дачку, сад, и, скорее всего, вы не ошибетесь, если в качестве подарка чешскому мужчине преподнесете какой-нибудь инструмент или садовый инвентарь. Любят они вкусно и сытно поесть, посидеть с приятелями за кружкой пива. (Об этом мы поговорим отдельно.)

Чехи – патриоты, любят свою страну, свою природу, берегут и гордятся ею. Детям своим подобные чувства они прививают чуть ли не с младенчества. И все это без пафоса, определенно и конкретно. Выходные, проведенные на велосипедах или байдарках, – обычный досуг многих семей. Охотно они ездят на заработки в богатые страны, чаще всего в Англию. Однако, подсобрав денюжку, возвращаются домой. К эмиграции чехи не склонны.

Трудоголиками чехов ни у кого язык не повернется назвать. Только вот загадка: как умудрились, как успели они при явной склонности к работе от сих до сих, при всей своей неспешности превратить страну в настоящую конфетку, обеспечить себе достаточно высокий и комфортный уровень жизни? Вопрос остается открытым.

Чехи уважительно относятся ко всем профессиям. Нам это непривычно, но чехи почтиительно обращаются к представителям любых профессий: «пани учительница», «пан доктор», «пан инженер»... Особенно для нас сильно «пан инженер» звучит! Молодые, правда, этого не знают, но в советское время среди многочисленных анекдотов про несчастных инженеров ходил и такой. *«Учительница младших классов спрашивает детишек о профессии родителей. Детки радостно выкрикивают под аплодисменты остальных: „Мой папа – завсклада!“, „Моя мама – продавица в овощном магазине!“, „Мой папа пивом торгует!“ Наконец Вовочка встает и шепчет, краснея: „А мой папа... инженер“. Класс в хохот. Учительница: „Тихо, ребята, тихо! Разве можно смеяться над чужим горем?“».* Видно, у них по-другому было.

Сердечными и открытыми чехов тоже не считают. Насчет открытости согласен, а вот сердечность... Все мое существо протестует против подобного отношения, ведь мой опыт общения с чехами указывает прямо на противоположное. Ладно, соглашусь, ведь сами чехи говорили мне об этих особенностях национального характера. Будем считать, что просто мне и моим туристам так уж везло, так уж сложилось.

Чехи обладают прекрасным чувством юмора. Определения «швейковский» или «гашековский», пожалуй, все-таки не штамп (какой еще чешский юмор нам в России известен?). Эти определения действительно отражают самую суть чешского юмора, в основе которого лежат особенности национального чешского характера. Однако об этом тоже потом и подробней.

* * *

Резюме тоже позаимствую у Петра Вайля: *«Бывает такое – разгул умеренности?»* Сотрудница нашей фирмы, встречающая нас в Бресте, умудренная жизнью Татьяна, говорит мне, когда видит, что я дергаюсь: «Спокойно, Слава, без фанатизма, без фанатизма!» Живи она в Чехии, ей и сказать это было бы некому.

А теперь интересная вещь, обратите внимание. Вышеперечисленный набор качеств вызывает симпатию и уважение к их носителям – чехам? У меня лично да. Однако ведь легко представить, что то же самое кого-то заставит презрительно скривиться. Прежде всего так поступят люди, живущие по принципу «не по-нашему – значит, плохо». Замороженные, заторможенные, неискренние, себе на уме... Что ж, тоже верно... *«... Пусть дикой удали в них нету, / Пусть нет раздольности степной, <...> / Зато они в разгаре пьянки/ Не рвут трехрядку на куски / И в нос не тычут вам портянки / Как символ веры и тоски»* (И. Иртенев).

* * *

Должен признаться, что ваш гид не первый, кто задумался над особенностями чешского характера. Оказывается, и раньше были не менее серьезные авторы, проводившие не менее глубокие исследования, о чем узнал я из статьи А. Бобракова-Тимошкина *«„Чешский вопрос“: попытки разобраться в самих себе»* на сайте *«Чешская культура»*. Т. Г. Масарик задолго до того, как стать первым президентом свободной Чехословакии, задался вопросами: кто такие чехи? какие они? в чем их самобытность? каково их место в европейской истории? какая у них историческая перспектива? Вместе со своими единомышленниками он разработал концепцию «чешской философской традиции». Обратившись к чешской истории, опираясь на труды своего предшественника Франтишека Палацкого, Масарик пришел к выводу, что специфическая особенность чешского народа – человечность, гуманизм, ненасильственность, стремление к правде: «Что ни чех, то Человек». Эти черты повлияли и на исторические события, и на становление личностей великих чешских гуманистов – Яна Гуса, Яна Амоса Каменского, – а также на деятельность общины «Чешских братьев». Да, велась постоянная борьба с засильем всего немецкого, но в основном ненасильственными методами, а прежде всего посредством распространения религиозных, эстетических идей. Все мы знаем, что Лев Николаевич Толстой проповедовал теорию «непротивления злу насилием». Однако вряд ли многие знают, что повлияло на мировоззрение Толстого знакомство с идеями чешского средневекового деятеля Петра Хельчицкого, высказывавшегося за религиозное, ненасильственное сопротивление злу.

«Не насилием, но миром, не мечом, но плугом, не кровью, но примирением, не смертью, но жизнью... – вот ответ чешского духа, вот смысл нашей истории и наследство великих предков» – так красиво и напористо сформулировал Масарик свою концепцию.

С тех пор и до наших дней эту концепцию поднимали на щит или нещадно критиковали. Выдающийся чешский философ Фердинанд Пероутка едко заметил, что *«гуманизм – вещь такая же международная, как телеграф и телефон»*, и призывал не считать его специфически чешской чертой характера и не думать, *«что все чехи объаты мистической и экзальтированной любовью к людям...»*. Однако для нас важно, что даже такой ехидный критик философии Масарика тоже *«усматривает в чешском менталитете такие черты, как незлобивость, покорность, миролюбие, но также упрямство и расчетливость, хоть видит в них не доказательство „гуманизма“ чешской нации, а доказательство ее слабости»*. Кстати, чешский писатель Милан Кундера считает, что Пражскую весну 1968-го задумали люди, вдохновленные идеализмом идей Масарика, а «бархатную революцию» 1989 года осуществили сторонники трезвомыслящего Пероутки, считавшего основной задачей чехов следование западным образцам и моделям общественного устройства.

* * *

И все-таки есть люди, способные не только уважать, но и восхищаться чехами. И пример у меня очень авторитетный, очень впечатляющий – Марина Ивановна Цветаева.

Его и пуля не берет,
И песня не берет!
Так и стою, раскрывши рот:
«Народ! Какой народ!»

<.....>

Бог! Если ты и сам – такой,
Народ моей любви
Не со святыми упокой
С живыми оживи!

* * *

Процветай, народ,
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь.

Из отзывов моих туристов:

Прага понравилась, люди просто супер.

Удивилась мнению русских о чехах. Это достаточно раскрепощенный народ, с крепкими нервами, вежливый и отзывчивый. Нужно просто вести себя без всяких понтов, и тогда никаких проблем не возникнет.

Воздух Чехии напоен добротой и общением.

Понравились мне и сами чехи – народ дружелюбный, неагрессивный.

В тему

Не поднимается у меня рука заносить случаи, когда приходилось обращаться за медицинской помощью, в разряд баек. Однако этот, произошедший недавно, хоть и сильно нервы потрепал, но закончился так красиво! А к тому же он поучительный – читайте внимательно, может, пригодится!

Как-то, когда я находился в центре Праги, мне позвонила одна моя туристка. Она была страшно взволнованна: ее пятнадцатилетняя племянница обнаружила на себе клеща. Да уж, меня это тоже не обрадовало: с клещами я дела пока не имел, а вот о страшных последствиях энцефалита наслышан. Тем не менее уверенным голосом профессионального клещевода я дал рекомендации: «Полейте на клеща растительным маслом, оставьте его на некоторое время, а потом аккуратно удалите». – «Где я, черт возьми, найду растительное масло?!» – «Спуститесь вниз, ресторан еще работает». По дороге в отель мои туристки начинают нервно почесываться: по лесу в Чешском Рае гуляли-то всей группой. Ловлю себя на том же. К моему возвращению клеща уже виртуозно удалил молодой человек, работник отеля, продезинфицировал ранку и уверенно дал медицинскую консультацию: если место укуса не воспалится (99 %), гуляйте смело и обо всем забудьте. Если все же воспалится – обращайтесь к врачу, он назначит курс антибиотиков. Неприятно, но серьезные последствия все же исключены... На хитреньком личике пострадавшей отражалась разве что удовлетворенность от небольшого приятного приключения (медпомощь молодого симпатичного чеха!), а вот волнение тети сказалось на ее здоровье: у нее поднялось давление, лопнули сосудики в глазу... Бедная женщина даже выясняла возможность эвакуации самолетом с последующей госпитализацией в Москве. Честно говоря, я ее понимал: из-за своего родного чада будешь с ума сходить, а тут еще и груз ответственности перед родителями! Стало ясно: успокоить окончательно ее (да и меня, что скрывать) может только человек в белом халате, поставивший точный диагноз в стенах медицинского учреждения. К счастью, наутро по плану была поездка в Карловы Вары, где этих врачей, да еще и говорящих по-русски, море. На обширной территории карловарской nemocnice (больницы) взываю к помощи пожилой санитарки, она... нет, не объясняет, как пройти к хирургу, а ведет нас за руку в нужный корпус, подводит к кабинету, вызывает врача! Далее следует диалог с приветливой женщиной-врачом. «А клещ где?» – «А клеща удалили». – «Уже удалили? Тогда все в порядке!» – «А?...» – «Если ранка не воспалится...» И далее слово в слово она повторяет слова, сказанные суперменом из отеля. Все, врачебный долг выполнен! Но нет, чтобы тете (да и мне) совсем-совсем успокоиться, хорошо бы нам услышать эти слова еще

раз! «Значит, если правильно мы вас поняли, если укус не воспалится, нам ничего не надо предпринимать, можем быть спокойны?» – «Да, можете не волноваться...» Тут врач с улыбкой терпеливо повторяет все с начала и до конца. Однако окончательно нас успокаивает ответ на неожиданный вопрос племянницы: «А в бассейн мне сейчас можно идти?» – «Можно, можно, прямо сейчас и идите». Тут я встречаю: «Большое спасибо. А теперь подскажите, где невропатологи кардиолог: пора тетю откачивать!» Посмеялись, поблагодарили и пошли восвояси.

«Ну и что?» – спросите вы? Да ничего, так просто рассказал, сам не знаю почему... Кстати, на следующий день узнал от местного гида, что укус клещей в Чехии – обычное дело. Ее (гида) папа если без одного-двух клещей из лесочка рядом с домом вернется – прогулка не удалась. Так что если кто с клещом к врачу обращается, на него смотрят как на сумасшедшего. И еще маленькая деталь: каждое обращение иностранца к врачу стоит денег, а мы не платили ни копейки.

Ох уж эти бессердечные чехи! Ох как они не любят русских!

Чешский юмор

Ни в чем так не обнаруживается характер человека, как в том, что он находит смешным.

И. В. Гёте

Трудная тема, согласитесь. С одной стороны, бесспорно, что многим народам присущ определенный юмор, основанный на их темпераменте, историческом опыте, особенностях языка. Раз признаем национальный характер, менталитет, то и понятие «национальный юмор» имеет право на существование. Тем более чешский юмор, в равной степени как и английский! Однако дать его определение, назвать основные черты – задача, пожалуй, более трудная, чем описать национальный характер в целом. Опять возникает опасность натяжек, некорректных обобщений, подгонок под стереотипы. Недаром у нас есть анекдот-пародия на «типично английский анекдот»: «„*Бутылки... из-под виски... ик... принимаете?*“ – „*Нет тары, сэр*“».

Чехи, несмотря на некоторую их сдержанность, нация не только улыбающаяся, но и смеющаяся. Даже малознакомый чех охотно и добродушно посмеется вместе с вами над забавной ситуацией или небольшим недоразумением. Отсюда можно сделать скоропалительный вывод: понятия о комическом у нас совпадают. Не пребывают в скорбном безмолвии над кружками пива и компании чехов, особенно молодых. Постоянно оживленный разговор прерывается взрывами смеха, но вот над чем они смеются – поди разбери. Согласитесь: понимание шуток на чужом языке, тем более высказывание собственных острот предполагает очень высокую степень владения этим языком. Это почти то же самое, что думать на иностранном языке... Говоря о чешском юморе, мне придется прибегнуть к теоретическим изысканиям и наблюдениям русских, давно живущих в Чехии. Прежде всего хочется заключить, что чехи, испытавшие сильное влияние немецкой культуры, в значительной степени переняли и особенности немецкого юмора. А немецкому остроумию присуща явная сосредоточенность на «анально-фекальной» сфере, в то время как юмор русский, французский и южнославянский черпают вдохновение в области сексуальной. Множество грубоватых немецких шуток (и ругательств) вертится вокруг «дрек мит пфефер» (дерьмо с перцем) и прочих «дрек». Я также множество раз слышал от других (но сам не наблюдал, врать не буду), что чуть ли не вершиной остроумия у немцев считается, когда кто-то в веселой разнополой компании случайно или неслучайно с шумом выпускает кишечные газы. При этом виновник изображает легкое смущение, а остальные жизнерадостно ржут и хором кричат: «На здоровье!» Насколько такая грубость характерна для чешского юмора? Некоторые полагают, что да, характерна. Очень косвенным аргументом в пользу данного утверждения можно считать несколько вольное обращение чехов с глаголом *насрать*. В то время когда при нашей нынешней лингвистической распушенности граница водораздела между приемлемым и неприемлемым в приличных компаниях и на телеэкране колеблется между словами *попа* и *жопы*, некоторые чехи, вроде бы не отпетые грубияны и не представители богемы, желающие «эпатировать буржуа», легко так употребляют последнее. Однажды к нашему гиду подбежала интеллигентная дама с глазами, полными слез: «Михаил, ну почему чехи такие грубые?! Я контролеру говорю, что потеряла билет на фуникулер, а он мне отвечает: „Да насрать, проходите!“». В моей группе очаровательная молодая туристка потеряла на выезде из страны *пруводку* – листочек с паспортными данными, который требовался для прохождения границы до вступления Чехии в Шенген. Хотя я и объяснил ей, что сей документ строго необходим только при въезде, а уж выпустят без него обязательно, но слезы продолжали литься из прекрасных глаз, пока добрый пожилой пограничник, желая утешить *красну*

жабку, не сказал ей проникновенно: «Насрачь». И даже изобразил неприличным жестом, как эту бумажку стоило бы использовать.

Не знаю, убедит ли вас мое лингвистическое наблюдение... Наша интеллигентная и не распущенная на язык дама после посещения, допустим, налоговой инспекции скорее выскажется так: «Они меня просто **затраха**ли!» Вряд ли она, описывая какой-либо свой промах, скажет: «Да, надо признать, тут я сама **обделалась**». А почему, собственно? Ведь понятие, скрытое за первым эвфемизмом, более интимное, чем второе. Действительно ли разный характер юмора у нас с чехами?

Вот уж, казалось бы, бесспорное доказательство – «Бравый солдат Швейк», из которого мы и черпаем наши изначальные представления о чешском юморе. Вот уж где «анально-фекального» в избытке: *«Тут милейший пан Еном так оглушительно пукнул, что маятник у стенных часов остановился. Пан Билек расхохотался, подал пану Еному руку и сказал: „Милости прошу, войдите, пан Еном, присядьте, пожалуйста, надеюсь, вы не накакали в штаны?“ #...#После этого пан Еном был опозорен в трактире, куда ходил Билек, и всюду, во всем квартале, его иначе не звали, как „засранец Еном“». А чего стоит «обделавшийся» кадет Биглер: «... засопел, начал всхлипывать и горько расплакался. Потом начал тужиться, утирая слезы. Затем использовал тетрадку, озаглавленную „Схемы выдающихся и славных битв австро-венгерской армии, составленные императорским королевским офицером Адольфом Биглером“. Оскверненная тетрадь исчезла в дыре и, упав на колею, заметалась между рельсами под уходящим воинским поездом».*

Правда, здесь описывается солдатский быт, тюремно-казарменный, сугубо мужской. К тому же сам Гашек настаивал на брутальном характере своего творчества, насмехаясь над обвинениями критиков в «грубости» и «неприличности». Да и «сексуального» неприличия по прежним строгим меркам у него хватало: *«Швейк подошел к постели. Как-то особенно улыбаясь, она смерила взглядом его коренастую фигуру и мясистые ляжки. Затем, приподнимая нежную материю, которая покрывала и скрывала все, приказала строго: „Снимите башмаки и брюки. Покажите...“ Когда поручик вернулся из казарм, бравый солдат Швейк мог с чистой совестью отрапортовать: „Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, все желания барыни я исполнил и работал не за страх, а за совесть, согласно вашему приказанию“».*

Будучи семиклассником, я запомнил диалог своей начитанной бабушки и продвинутого папы. «Борис, ты позволяешь ребенку читать такую гадость?!» – «Пусть читает, пусть учится понимать настоящий юмор!»

У замечательного чешского классика Богумила Грабала есть целая глава о несостоявшейся любви главного героя: *«... я никогда уже не увидел Манчинку, разве что спустя много лет, потому что Манчинку с тех пор прозвали Манчинка-засранка, ведь Манчинка так разволновалась во время белого танца и была так тронута моим признанием в любви, что пошла в уборную при пивной, где пирамида фекалий чуть ли не доставала до отверстия в настиле, и ее ленты и ленточки окунулись в содержимое этой деревенской выгребной ямы, после чего она вернулась из темноты в освещенный зал, и ее разметавшиеся под действием центробежной силы ленты и ленточки забрызгали и заляпали всех тех танцоров, что оказались поблизости».*

Лишь через пять лет герой разыскал свою Манчинку и повез ее в дорогой отель в горы на выигранные в лотерею деньги. И счастье было так возможно, и все мужчины завидовали ему из-за Манчинки, все каждый вечер наперебой старались ее отбить, по Манчинке вздыхал сам фабрикант Ина. Светило солнце, стоял конец февраля, Манчинка подолгу каталась на лыжах...

«... и моя Манчинка, как всегда, ехала прогулочным шагом мимо ряда загорающих постояльцев, и воистину прав был фабрикант Ина, сказавший, что Манчинку нынче так и

хотелось расцеловать, однако стоило Манчинке миновать первых солнцепоклонников, как я увидел, что женщины смотрят ей вслед, а потом хихикают в кулак, и чем ближе она была ко мне, тем отчетливее я видел, что женщины давятся от смеха, а мужчины откидываются назад, прикрывая лицо газетой, притворяясь, будто потеряли сознание или загорают с закрытыми глазами, и вот Манчинка подъезжает ко мне, минует меня, и я замечаю, что на одной из ее лыж, прямо за ботинком, лежит огромный кусок дерьма, величиной с пресс-папье... И когда фабрикант Ина поглядел на то, что по нужде оставила Манчинка на задней части своей лыжи где-то там за карликовыми елочками на отроге Золотого взгорья, то фабрикант Ина упал в обморок, а Манчинка залилась румянцем по самые волосы...» И герой теряет свою возлюбленную уже навсегда: «Манчинка выехала гордая и неприступная, дабы исполнились слова Лао-цзы: только человек, познавший свой позор и сберегший свою славу, достоин уважения под этими небесами...»

Однако нигде больше фекалийной тематики я у чешского классика не встретил. Ну есть у Милана Кундеры целое эссе о говне (именно так, простите), занимающее несколько страниц в «Невыносимой легкости бытия». Правда, автор претендует здесь на философские глубины, а отнюдь не на юмор. «*В рассуждении Скота Эриугены мы можем найти ключ к некоему теологическому оправданию (иначе сказать – теодицее) говна...*» И уж совсем притянутым за уши будет эпизод из любимого моего Михала Вивега, когда маленький Карлик, ожидая в день святого Микулаша традиционного черта, от страха обкакался и уснул под столом.

Итак, я чувствую, что следование по этой неароматной тропе на пути познания чешского юмора заведет нас в тупик. Еще многие считают, что для чехов характерен черный юмор. Тоже, если постараться, примеры можно найти, но опять-таки будет их слишком мало. Конечно же в первую очередь вспоминается Гашек: «*В Нуслях живет пан Гаубер. Как-то раз, в воскресенье, возвращался он с загородной прогулки с Бартуньковской мельницы, и на шоссе в Кундратицах ему по ошибке всадили нож в спину. С этим ножом пришел он домой, и, когда жена снимала с него пиджак, она аккуратненько вытащила нож, а днем уже рубила им мясо на гуляш. Прекрасный был нож, из золингенской стали, на славу отточенный, а дома у них все ножи никуда не годились – до того были зазубренные и тупые. Потом его жене захотелось иметь в хозяйстве целый комплект таких ножей, и она каждое воскресенье посылала мужа прогуляться в Кундратицы*». Сам мрачноватый характер Гашека такой юмор предполагал, а уж тема мировой бойни тем более. «*После войны здесь хороший урожай уродится, – после небольшой паузы проговорил Швейк. – Не надо будет покупать костяной муки. Для крестьян очень выгодно, если на их полях сгниет целый полк; короче говоря, это для них хлеб. Одно только меня беспокоит, как бы эти крестьяне не дали себя одурачить и не продали бы понапрасну эти солдатские кости сахарному заводу на костяной уголь*».

Впрочем, чаще всего говорят о черном юморе, когда речь заходит о творчестве современного чешского скульптора Давида Черного, которого называют еще «скульптор-хулиган». По пражской телебашне ползут исполинские голые младенцы, каждый размером с паровоз. В торговой галерее метрах в двухстах от величественного конного памятника святому Вацлаву находится альтернативный памятник: святой Вацлав тоже на коне, но конь подвешен вверх ногами к потолку, беспомощно свисают хвост и грива, голова с высунутым языком. А святой покровитель Чехии восседает на брюхе коня. На узкой улочке Старой Праги внезапно замечаешь над головой на уровне шестого этажа висящего человечка, уцепившегося одной рукой за торчащую с крыши палку. Удивительно он похож на нашего Владимира Ильича Ленина: та же лысая черепушка, борода, костюм-тройка. Сейчас что-нибудь гаденькое про интеллигенцию скажет. Оказалось – Зигмунд Фрейд. Ну-ну!

А во дворике музея Кафки стоят два писающих мужчины. Писают они в бассейн, повторяющий своими контурами карту Чехии. То есть, о ужас, писают на Чехию! Техниче-

ски скульптуры сделаны чрезвычайно искусно: они движутся, правыми руками управляют частью тела, непосредственно участвующей в процессе, так что струи выписывают замысловатые зигзаги. Мало того, рядом указан номер телефона, по которому можно послать эсэм-эску и заказать неприличное слово, которое скульптуры станут выписывать на поверхности бассейна. Говорят, этим вовсе забавляются бесстыжие немецкие туристки. А мои туристки ни-ког-да! Интересно отношение местных гидов к этому произведению искусства: Елена решительно ведет группу другим маршрутом, «подальше от этой мерзости»; пани Мелада, уступив моим просьбам, стала подводить сюда группы, но всем своим благородно-величественным видом демонстрирует сдержанное неодобрение кощунственной безвкусицы. А Тамара бесстрастно вещает: «Обратите внимание, правой рукой они держатся за член и выписывают на поверхности воды различные фигуры».

Недавно произошел небольшой международный скандалчик: Чехия к открытию очередной сессии Европейского Союза вручила ему в дар скульптурную композицию, сработанную шаловливыми ручками Давида Черного. Каждую страну ЕС аллегорически изображала определенная часть композиции. Ну вы можете себе представить... Болгарию, например, символизировали так называемые «турецкие уборные», т. е. примитивные дырки в помосте... Чехия вынуждена была принести извинения. Властями Праги был почему-то отвергнут очередной гениальный проект Черного: он предлагал на карнизе помпезного Национального театра усадить десятиметровую статую мастурбирующего мужчины, причем из соответствующего места у него периодически бы извергались клубы пара и брызгала вода. Обиженный скульптор в отместку публично заявил, что для него прототипом чеха является *«плохо перемешанная, неинтересная и кнедликообразная масса, пропитанная пивом»*.

Склонность к абсурдистскому юмору у чехов явно присутствует. Недаром у них на ура идет наш Даниил Хармс. В семидесятые годы ансамбль, состоящий из нескольких мужиков, исполнил незамысловатую песенку про страшного Ёжина, который живет в моравских болотах и пожирает проезжающих мимо путников, в первую очередь пражан. Победить его можно только ядохимикатами, распыленными с самолета, что герой песни и сделал, попросив в награду полколхоза и председательскую дочь в жены. У нас до сих пор скачивают эту песенку из Интернета, слушают, говорят: «Какая тупость... какая нудятина...», потом неожиданно для себя затягивают: «Ёёё-жин с бааа-жин», плюются – и опять начинают напевать. В наших КВНах звучит она постоянно, в исполнении резидентов «Камеди Клуб» и т. д. Поищите...

И все-таки определить самое характерное для чешского юмора, непосредственно связанное на национальный характер, возможно. И я думаю нам с вами это по силам. Карел Чапек, прекрасный чешский писатель, проложил нам прямую дорогу своей фразой: *«Юмор – это всегда немножко защита от судьбы!»* Вспомните про чешский характер: пассивное сопротивление, приспособляемость, здоровый, жизнеутверждающий цинизм, позволяющий выжить при любом абсурде, сохранив основные чешские жизненные ценности, а именно самоуважение, здравый смысл, любовь к привычному укладу жизни, спокойной и уютной. Чех, он какой – снаружи мягкий, а внутри... Где сядешь – там и слезешь. У нас на военных сборах популярна была поговорка: «Нас... а мы толстеем». Сейчас думаю, не из Чехии ли ее занесло? По существу весь «Бравый солдат Швейк» у Гашека и состоит из подобных шуток: на каждую абсурдную, трудную, а то и смертельно опасную ситуацию у Швейка находится уморительная байка (всего их в романе насчитали двести). Расскажет Швейк такую байку с безмятежно-глуповатым лицом, и мир вокруг становится чуть уютней, чуть легче уже вынести все невзгоды. Даже если «ужас», то не «ужас, ужас, ужас». Неделю назад десять лет дали? Ну вот видите – семь дней уже отсидели! *«Теперь сидеть в тюрьме – одно удовольствие! Никаких четвертований, никаких колодок. Койка у нас есть, стол есть, лавки есть,*

места много, похлебка нам полагается, хлеб дают, отхожее место под самым носом. Во всем виден прогресс».

Еще называют чешский характер вообще и чешский юмор в частности философским. Я таких слов немного пугаюсь в силу недостаточной образованности. Ан нет, я тут вовремя вспомнил афоризм: «Женитесь смело. Если попадетсЯ хорошая жена, станете счастливым человеком. Если плохая – станете философом». Ну в таком смысле мне понятно. *«Никогда так не было, чтобы никак не было»,* – говаривал Швейк, а вместе с ним и многие чехи. Если эту идею выразить умными словами, то придется процитировать некоего Тейге (из книги Радко Пытлика «Швейк завоевывает мир»): *«Ирония, признак высоты духа, возвышенное веселье при виде ярмарки безумия, последний резерв жизнелюбия».* В 2002 году во время страшного наводнения разбушевавшаяся Влтава смывала с берегов и несла дальше по течению «все, что нажито непосильным трудом», – дома, сараи, дачи... Тут же в Чехии родился анекдот: *«Объявление. Продается дача. Можно посмотреть: утром у Будеевиц, днем в Праге, вечером в Усти-над-Лабем».* Кстати, Влтава тогда унесла также и тюленя из пражского зоопарка. Его выловили аж в Эльбе (куда впадает Влтава), в районе Дрездена. Но от переживаний тюлень вскоре скончался. Думаю, потому что не обладал жизнеспасительным чешским чувством юмора.

Теперь я сам убедился, что «швейковский юмор», отнесенный к чешскому юмору вообще, – это не стереотип, не натяжка, а действительно конкретное и точное определение, если ухватить саму его суть: сарказм, самоирония, последний резерв жизнелюбия. Переводчик в предисловии к книге полюбившегося мне Михала Вивега написал: *«Типично швейковский юмор».* Поначалу я отнесся к этому скептически: не очень-то похоже. Ну понятно, средний читатель у нас только Гашека и знает, поэтому теперь ко всему комическому в Чехии цепляется определение «швейковский, гашековский». Ан нет, если глубже копнуть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.